

Ерофей Трофимов

СОТНЯ

Казачий крест

Смутное время

Забывтый поход

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Ерофей Трофимов

**Сотня: Казачий крест. Смутное
время. Забытый поход**

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Трофимов Е.

Сотня: Казачий крест. Смутное время. Забытый поход /
Е. Трофимов — «Издательство АСТ», 2026 — (Коллекция.
Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-183063-2

Доля казачья, служба лихая... Именно так и сложилось для Матвея, ведь интересы государства – это не всегда благо для живущих в нём, тем более для тех, кто ему служит. Вот и от него служба потребовала оставить всё и отправиться туда, где интересы империи оказались важнее.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-183063-2

© Трофимов Е., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Казачий крест	6
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ерофей Трофимов

Сотня

© Ерофей Трофимов, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Казачий крест

Влажные комья земли глухо стучали по крышке гроба, и Матвей невольно содрогнулся от этого звука. Только теперь он осознал, что деда, сильного, сурового мужика, больше нет. Что не будет больше долгих молчаливых посиделок за вечерним чаем, не будет его угрюмого ворчания и твёрдых, мужских советов. Дед Роман был родовым казаком, пережившим всё. И войну, и рассказывание, и голодные послевоенные годы, но всегда умудрялся оставаться самим собой.

Станичный кузнец не боялся ни бога, ни чёрта, а к властям всегда относился как к досадному недоразумению. На него несколько раз пытались завести дело, но даже НКВДшные ухари отступались, наткнувшись на твёрдое упрямство родового казака. Да и профессия помогала. Лучшего кузнеца во всей округе было не найти, а вменить ему в вину саботаж или некачественную работу не было никакой возможности. Дело своё дед любил и всегда делал на совесть.

Могильщики сформировали могилу и, утрамбовав землю лопатами, быстро отступили в сторону. Глядя на свежий холмик и староверский крест, Матвей сглотнул стоящий в горле ком, но так и не смог заставить себя повернуться к могиле спиной. Словно что-то удерживало его на месте. Немногие знакомые и друзья делали робкие попытки вернуть парня в реальность, а он продолжал стоять, словно надеясь ещё раз услышать такой родной голос.

Накрапывал редкий дождь, но Матвей не замечал, как по лицу и шее медленно стекают холодные капли.

– Небо его провожает, – расслышал парень дрожащий старушечий голос.

– Да. Небо, – еле слышно выдохнул Матвей.

Долгий раскат грома заставил его чуть вздрогнуть и очнуться. Тряхнув головой, парень медленно повернулся, но не успел сделать и шагу, как кладбище озарилось ярчайшим ударом молнии. Собравшиеся дружно вскрикнули, закрывая ладонями лица, а когда проморгались, рядом со свежей могилой никого не было. Только выжженная до состояния стекла земля и кучка пепла...

* * *

– Господи Иисусе Христе сыне Божий... – расслышал Матвей сквозь звон в ушах и попытался пошевелиться, но тело отказалось повиноваться.

Мысли текли вяло, словно вязли, как мухи в патоке. Болело всё, даже те мышцы, о существовании которых Матвей и не подозревал. И почему-то было очень тяжело дышать. Словно его заколотили в тесном гробу. Вздохнув, Матвей собрался с силами и сделал ещё одну попытку пошевелиться. Новая вспышка боли в корне пресекла и эту попытку, заставив парня замереть и невольно застонать от боли.

– Хосподи, никак живой?! – ахнул кто-то всё тем же старушечьим голосом.

«А чего это мне живым не быть?» – удивился Матвей, делая очередную осторожную попытку пошевелиться.

– Ой, гляньте, пальцами шурудит! – послышался другой голос, и Матвей, вдруг разозлившись, понял, что просто обязан показать всем, что он не просто живой, а ещё и всех этих ворон переживёт.

Злость и унаследованное от деда упрямство заставили боль отступить, и он, напрягая все силы, заставил правую руку сжаться в кулак.

– Господи, и вправду живой! – охнул мужской голос, и тут же чьи-то сильные, мозолистые ладони сжали его лицо.

Потом кто-то крепко встряхнул его тело и в самое ухо хрипло гаркнули:

– Матвей, сынок, очнись! Дай знак хоть какой!

– Ой, не ори, и так башка отваливается, – попытался высказаться парень, но вместо этого из горла вырвался только сиплый, едва слышный стон.

– И вправду живой, – охнул теребивший его мужик. – Баню топите! – раздался его громовой рык.

Потом Матвей почувствовал, как его подняли и куда-то понесли. Возражать или ещё как-то спорить парень даже пытался. Не было ни сил, ни возможности, ни даже желания. Он вообще не понимал, что вокруг происходит. Ведь последнее, что он помнил, это громовой раскат на кладбище. Потом вспышка, и всё. И вот теперь темнота, боль и какие-то незнакомые голоса вокруг. Да ещё и баня эта. Баня-то тут вообще при чём? У него дома нормальная ванная имеется.

Это было последнее, что успел подумать Матвей. Дальше навалилась спасительная темнота.

В себя он пришёл как-то разом. словно кто-то повернул выключатель. Сначала он начал различать звуки, потом сквозь закрытые веки начал пробиваться свет, а после снова навалилась боль. Но на этот раз всё было не так плохо, как вначале. Да, снова болело всё, но теперь эту боль можно было хоть как-то терпеть, хотя на глаза наворачивались невольные слёзы.

Кое-как отдышавшись, Матвей принялся осторожно инспектировать собственное тело. Пальцы на ногах начали шевелиться через пару минут упрямых попыток двигать ими. Руки отозвались немного быстрее. А вот с головой всё было не так радужно. Поворачиваться и вообще хоть как-то шевелиться она отказывалась. Первая мысль, мелькнувшая у Матвея, что сломан позвоночник. Но, подавив панику, он напомнил себе, что в этом случае и глаза бы не открывались.

Да и вообще, подобная травма обычно заканчивается смертью пациента. Особенно если его таскают в баню на руках и ворочают с боку на бок, словно куклу. А тут он как-то мыслит, значит, где-то даже существует. Выходит, всё не так страшно. Переждав очередной приступ боли, Матвей сосредоточился на шейных мышцах и принялся медленно поочерёдно их напрягать. По плечам, спине и шее пошли мурашки и началось покалывание сродни тому, какое бывает, если затечёт какая-то конечность.

Но примерно минут через пять голова кое-как пошевелилась. Это была маленькая, но победа. Приободрившись, Матвей дал себе немного отдышаться и принялся снова разминать шею. Поочерёдно напрягая все доступные мышцы торса, он добился некоторого результата. Голова медленно, со скрежетом и скрипом, повернулась. Убедившись, что может шевелиться, парень собрался с духом и медленно открыл глаза.

Первое, что он увидел, большой стол, сколоченный из толстых досок. Что называется, на века сделанный. За ним, у стены, – широкая крепкая лавка. Да и сама стена была необычной. Шершавой, белённой известью. Такого дома у Матвея не было точно. Но самое странное, что поразило парня, иконы в углу. Широкий киот, несколько потемневших от времени икон и лампадка под ними. Вот тут Матвея проняло всерьёз. Это был не его дом. Не его комната, не его постель. Даже одеяло и то было чужим.

Вздвогнув всем телом, Матвей очередным усилием воли подавил надвигающийся приступ паники и, закрыв глаза, заставил себя сосредоточиться на увиденном. Но ничего не получалось. Вдохнув, парень снова открыл глаза и уставился в деревянный, белённый известью потолок. И именно эта вездесущая извёстка заставила его поверить, что он оказался непонятно где и непонятно как. И только теперь Матвей понял, что нечто подобное он видел в станичном доме деда.

«Это что же, меня в дедовский дом привезли? – думал он, скользя взглядом по доскам потолка. – Но зачем?.. Да ну. Не может такого быть. Дедову хату давно соседям продали. Он

же у меня в городе жил. Кузня его никому не нужна стала, вот я его и уговорил переехать. Мы ж с ним одни остались. Ну да. Как родители погибли, так и всё. Из всей семьи только мы двое».

После этой мысли в памяти, словно специально, всплыла фотография, на которой его родители, ещё совсем молодые, только после свадьбы, стояли на крыльце дедовой хаты. Это была его любимая фотография. Он хранил её на отдельной полке в резной рамке. Матвею было двенадцать, когда родителей не стало. Пьяный водитель грузовика уснул за рулём и на полном ходу врезался в остановку, где родители ждали рейсового автобуса. Мать тогда была беременна вторым ребёнком.

После похорон дед забрал внука к себе и на все попытки властей забрать сироту только угрюмо басил:

– Я ещё вас всех переживу. А внука не замай. Мой он. И жить со мной будет. А коль попробует кто силой, так я и зашибить могу.

И для наглядности складывал в штопор новенькую подкову. Благо в сарае их целая корзина валялась. Силушки старому кузнецу было не занимать. Это знали в станице все. И участковый в том числе.

Школу Матвей закончил в райцентре и после долгих размышлений решил податься в суворовское училище. Благо физически он всегда был развит и в аттестате ниже двух четвёрок оценок не было.

Но после училища стать офицером ему было не суждено. Страна начала разваливаться. Люди, желающие служить государству, оказались никому не нужны. Всем правил рынок. Отслужив срочную в армии, в разведке морской пехоты Тихоокеанского флота, Матвей вернулся в родную станицу и, убедившись, что жизнь на гражданке превратилась в нечто непонятное, попросил совета у деда. Ведь что делать дальше, было вообще непонятно.

– Учись, сынок, – помолчав, вздохнул старый кузнец. – К чему душа лежит, тому и учись. А дальше – как бог даст.

* * *

Вошедшая в комнату женщина выставила на стол широкую корзину с какими-то овощами и, отерев руки передником, подошла к лежанке, на которую уложили Матвея. Оглядев парня с какой-то жалостью, она вздохнула и, покачав головой, тихо спросила:

– Сынок, может, хочешь чего. Вижу ведь, что не спишь.

– Воды, – хрипло произнёс Матвей, судорожно соображая, кто это.

Кивнув, женщина вышла куда-то за печку и через минуту вернулась, неся в руке глиняную чашку. Ухватив его за шею, она с неожиданной силой приподняла парню голову и, поднеся чашку к губам, скомандовала:

– Пей, только не спеши, обольётся.

Матвей припал к чашке, попутно продолжая судорожно вспоминать, кто это и почему лицо этой женщины ему так знакомо. Вылебав всё, что она принесла, парень благодарно кивнул и попытался опереться локтем о кровать, но рука подвела, и он бессильно рухнул на большую пуховую подушку. Охнув, женщина жалостливо скривилась, но тут же взяв себя в руки, молча ушла на кухню.

«Что-то мне это напоминает, – подумал Матвей, провожая её взглядом. – Вот честное слово, такое уже со мной было. Ещё вспомнить бы, где и когда».

Но додумать свою мысль парень не успел. В сенях послышались тяжёлые шаги, и в дом вошёл высокий жилистый мужик с роскошными чапаевскими усами и аккуратно подстриженной бородой. Приветливо кивнув женщине, он оглянулся на лежащего Матвея и, едва заметно усмехнувшись, спросил:

– Ну как ты, казачок?

- Жив покуда, – заставил себя прохрипеть Матвей.
- Ну и слава богу. Вставать-то пробовал? – не отставал мужик.
- Не получается, – мотнул парень головой.
- Да куда ему ещё вставать-то, Гриша? – неожиданно вступила женщина в разговор. – Давеча едва живым не схоронили, а ты уже вставать.
- Цыц, баба, – беззлобно рыкнул мужик. – Нашего он корня, а значит, так просто не помрёт. Жив, значит, и двигаться может.
- Окстись, Гриша, – не унималась женщина. – Где ж это видано, чтоб человека молоньей стукнуло, а он уж через три дня ходить начал. Бога моли, что уберёт кровиночку.
- Ну, завыла, – обречённо махнул мужик широкой ладонью. – Уймись, Настасья. Не гоню я его. Но коли так и станет далее в постели валяться, никакой молитвой уж не поднимешь. Покуда казак жив, значит, и двигаться может.
- Да будет он двигаться, будет, Гриша. Дай только срок, – не уступила женщина.
- Добре. Поглядим, – помолчав, вздохнул мужик. – А сам-то что скажешь? – повернулся он к парню. – Будешь шевелиться-то?
- Уже пробую. Да тело словно не моё, – нехотя признался Матвей. – Вон, только что воды попросил, а удержаться на локте не смог. Не слушаются ещё руки. А что вообще со мной случилось? – осторожно спросил он, настороженно рассматривая мужика.
- А ты не помнишь? – удивился тот.
- Ничего не помню. Как отрезало, – качнул Матвей головой.
- От ведь... – тряхнул мужик роскошным смоляным чубом. – Ты на заднем дворе с шашкой упражнялся, когда гроза началась. Вот молонья прямо в шашку и стукнула. Думали, всё. Спалил Господь сына. А оказалось, нет. Живой. Прямо на отпевании и очнулся. Поп едва сам себя кадилом не зашиб, когда ты руками шерудить принялся. Спасла царица небесная, – закончил он короткий рассказ, истово перекрестившись.
- А какой теперь год, дяденька? – решившись, тихо спросил Матвей.
- Ты чего это, паря? – изумлённо охнул казак. – Какой я тебе дяденька?! Батка я твой кровный. Григорий Лютый. Весь наш род от создания веку Лютыми были. И ты Лютый. Неужто не помнишь? – растерянно уточнил он.
- Нет, – судорожно сглотнув враз пересохшим горлом, еле слышно признался Матвей.
- Это и вправду была их родовая фамилия. Лютые. По семейной легенде, фамилия эта пошла от основателя рода, Елисея Лютого, пластуна характерника, умевшего превращаться в волка. Понятно, что сказка, но эти сказки в казачьей среде звучали часто, так что некоторое основание под ними, возможно, и было. Но Матвея сейчас волновало совсем не это. В их генеалогическом древе Григорий Лютый был прапрадедом самого Матвея. А это имя парень носил в честь своего прадеда.
- По всему выходило, что перед ним прапрадед с прапрабабкой. Именно с этого казака их семья и стала известными на всю округу кузнецами. Где уж Григорий сумел выучиться этому непростому ремеслу, одному аллаху известно, но мастером он был настоящим. Умел не только колхозный инвентарь ковать, но и оружие всякое. Говорили, что даже оружие огненного боя ремонтировать умел. Глядя на ожившую семейную легенду, Матвей судорожно пытался понять, что происходит и где он вдруг оказался.
- Растерянно покрутив головой, казак обречённо махнул рукой и, развернувшись, вышел из хаты. Матвей перевёл взгляд на женщину и вздрогнул. Она смотрела на него полными слёз глазами.
- Выходит, вы мамка моя? – решившись, осторожно уточнил парень.
- Он вообще пока старался делать всё очень осторожно. Потому как не понимал, что происходит и как это всё объяснить.
- Мамка, – чуть всхлипнув, кивнула женщина.

– А остальные где? Ну, там, братья, сёстры, – задал Матвей следующий вопрос.

– Так сестру твою, Марью, прошлой осенью замуж отдали. А боле и нет никого, – снова всхлипнула женщина.

А вот об этой ветви семьи Матвей ничего не знал. Затерялась семья в круговерти всех случившихся событий.

– А год какой теперь? – поинтересовался Матвей, пытаясь выудить хоть какие-то крохи информации.

– Так тыща восемьсот девяносто восьмой от Рождества Христова, – вздохнула женщина, утирая слёзы.

«Твою мать! Деятнадцатый век!» – ахнул про себя Матвей, роняя голову на подушку.

Сознание начало медленно мутиться, и спустя минуту парень просто отключился. Похоже, после всех полученных травм психика его просто не выдержала.

В себя Матвей пришёл уже вечером, чувствуя, что тело всё так же отказывается ему подчиняться. Но навалилась очередная беда. Выпитая днём вода настойчиво просилась наружу, а в доме, как назло, никого не было. Понимая, что ещё немного и случится большая неприятность, Матвей собрал все имевшиеся силы и принялся переводить себя в сидячее положение.

Ухватившись рукой за край лежанки, парень с глухим стоном принялся поднимать торс. Голова взорвалась резкой болью от напряжения, но тело медленно начало приподниматься. С матюгами, слезами и стоном усевшись, Матвей переждал приступ тошноты и принялся спускать с лежанки ноги. Рядом с лежанкой обнаружились кожаные чуваки. Кто их сюда поставил, Матвей не знал, да и не особо в этот момент интересовался. Главное, что не босиком до скворечника во дворе шкандыбать.

Кое-как утвердившись в сидячем положении, Матвей сунул ноги в чуваки и, резко выдохнув, попытался встать. Ноги подогнулись, и он со всего размаху грохнулся на скоблённый дощатый пол. От удара головой он в очередной раз потерял сознание. В себя его привели чьи-то руки и тихое, жалостливое причитание.

– Куда ж ты вскочил, сынок. Едва богу душу не отдал, и всё вскочить норовишь, – тихо причитала Настасья, пытаясь перетащить его обратно на лежанку.

– погоди, мать. Мне б на двор, – нашёл в себе силы произнести Матвей.

– Ох ты ж господи. Так ты потому и вскочил? – охнула женщина. – Так потерпи чуток, я сейчас горшок принесу.

– Лучше помоги дойти, – упёрся Матвей, который всегда терпеть не мог ощущать себя беспомощным.

– От ведь порода Лютая, – заворчала женщина, помогая ему встать на ноги. – Что не мужик, так упрямее осла будет. Идём уж, горе моё, – бубнила она, помогая ему передвигаться.

Выбравшись на крыльцо, Матвей на минутку остановился и, оглядевшись, растерянно вздохнул. Перед ним было обычное казачье подворье. Крепкий плетень, всякие хозяйственные постройки и белённый всё той же известью дом под соломенной крышей. Добравшись с помощью Настасьи до туалета, Матвей кое-как справил свои житейские дела и, выбравшись из скворечника, замер, пережидая очередной приступ головокружения и тошноты.

– Что, сынок, плохо? – вскинулась женщина.

– погоди, мать, дай отдышаться, – придержал её Матвей, оглядываясь вокруг.

За плетнём в одну сторону раскинулась бескрайняя степь, а с другой стороны в синеватой дымке виднелся длинный горный хребет.

– Мать, а где мы сейчас? – решившись, тихо спросил парень.

– Так Кубань это, – развела женщина руками.

– А станица как называется? – задал Матвей следующий вопрос.

– Так кореновские мы. Станица Кореновская это. Отродясь тут жили. Неужто не помнишь?

– Нет, – коротко мотнул Матвей головой и, оттолкнувшись от скворечника, попытался шагнуть к дому.

Но ноги опять подвели, и парень едва не грохнулся на землю. Настасья успела подхватить его за пояс и, вздыхая, повела к дому. Неожиданно Матвей услышал до боли знакомый звон и, оглянувшись, тихо спросил:

– Это батя в кузне?

– А кому ж ещё быть, – удивлённо хмыкнула женщина. – С утра у горна стоит.

Заведя парня в дом, Настасья помогла ему улечься и, присев на краешек лежанки, настороженно предложила:

– Матвеюшка, я там окрошки нарубила. Может, поснидать хочешь?

– С квасом? – на автомате уточнил парень.

– Это там, у Москвы на квасе её делают. А мы тут всё больше по-кавказски, на кислом молоке, – усмехнулась женщина. – Но и на квасе бывает.

«Такую я ещё не пробовал», – усмехнулся про себя Матвей и, кивнув, ответил:

– Давай.

Получив в руки широкую глиняную миску с окрошкой и толстый кусок духмяного ржаного хлеба, парень осторожно зачерпнул деревянной ложкой предложенное блюдо и, отправив его в рот, настороженно прожевал. К его огромному удивлению, окрошка оказалась неожиданно вкусной. Прежде ему ничего подобного пробовать не доводилось. Родителей он потерял рано, а бабка готовила обычные блюда, принятые в центральной России. Да и прожила она не долго. Ушла следом за детьми, пережив их всего на три года.

Воспоминания о семье сжали горло парня судорогой, но он усилием воли отогнал тяжёлые мысли и заставил себя вернуться к делам насущным. Выхлебав всё поданное, Матвей перевёл дух и, отдавая миску Настасье, задал следующий вопрос:

– Выходит, меня стукнуло, когда я во дворе с шашкой упражнялся?

– Угу, – коротко кивнула женщина.

– А лет мне теперь сколько? Раз шашкой махал, выходит, и в полевые лагеря ездил. Получается, я в реестре пишу?

– Так девятнадцать тебе по весне стукнуло. А в реестре ты уж три года как пишешься. Тебя ж в пластунскую команду вписали. Господи, неужто ничего не помнишь?

– Как отшибло всё, – вздохнул Матвей.

– И как батьке в кузне помогал, тоже? – не сдавалась Настасья.

– Ничего, – коротко мотнул парень головой.

– Господи, от же беда-то, – тихо всхлипнула женщина. – Как же ты теперь будешь?

– Главное, на ноги встать. А там посмотрим, – ответил Матвей, судорожно вспоминая, чем в это время занимались пластунские команды и чем ему грозит занесение в казачий реестр.

По всему выходило, что по первому же приказу ему предстояло явиться к месту сбора конно и оружно, и быть готовым к боевым действиям. С учётом того, что лет через пять должна разразиться Русско-японская война, ничего хорошего в этом не было. Особенно с учётом того, что он помнил, чем она закончилась для страны. Местные генералы воевать толком не умели и в итоге умудрились просрать всё, что только можно.

– Ну, дай-то бог, – между тем продолжала вздыхать Настасья. – Батька прошение атаману писал, чтобы тебя не только реестровым, но и мастеровым в реестре писали. Ты ж с малолетства с ним в кузне был. А кузнеца на всю округу лучше отца твоего не найти. Он и кузнец, и оружейник. Всякое умеет. Да и ты от него не отставал. Гриша гордился, мол, сын всю науку у него прошёл, есть кому искусство родовое передать.

– Даст бог, вспомню, – пробурчал Матвей в ответ, вспоминая годы, проведённые в институте стали и сплавов. Уж что-что, а состав различных оружейных сталей он помнил наизусть.

* * *

Спустя три дня после своего неожиданного перемещения непонятно куда Матвей уже осторожно ползал по хате, шаркая ногами, словно древний старик, и задыхаясь через каждые пять шагов. Тело некогда молодого, здорового мужчины просто отказывалось ему повиноваться. При первичном внешнем осмотре особого отличия от себя прежнего Матвей не заметил, но с организмом было что-то не так. Словно все его мышцы разом вышли из-под контроля мозга.

Просить принести себе зеркало парень не рискнул. И так за ним уже числилось порядочно несурзностей, чтобы ещё и о внешности беспокоиться, но на четвёртый день своих мытарств парень не удержался и, добредя до большой бочки, предназначенной для полива огорода и заполненной дождевой водой, попытался рассмотреть себя в отражении. Первой его реакцией было выругаться в голос. Это был одновременно он и не он. А если быть совсем точным, это был он, только примерно на десять лет моложе.

Тряхнув головой, словно отгоняя морок, Матвей наклонился пониже и всмотрелся в собственное лицо. Вот теперь стало ясно, что это было его собственное лицо, но на левой щеке, от уголка глаза, вниз к челюсти и ниже, по шее и дальше под рубашку, извивался ветвистый синеватый шрам. Коснувшись его кончиками пальцев, парень ясно ощутил это прикосновение, но никаких болезненных ощущений не возникло. Словно этому шраму было уже много лет.

«Блин, вот это украшение, – мысленно присвистнул парень. – Это что, от молнии такое? Странно, что глаз при этом цел. Да и вообще, после такой прожарки можно было веником в совочек собрать. Ладно. С рожей всё ясно. Всё равно ничего тут уже не исправишь. А вот что у меня с организмом?» – задался он более насущным вопросом».

– Сынок, ты чего там? – послышался голос, и к бочке подошла Настасья.

– Да вот, смотрю, что со мной случилось, – честно признался Матвей, зачерпывая пригоршню воды и умываясь.

– Главное жив, сынок. А с лица воду не пить, – произнесла женщина дрогнувшим голосом. – Да и какой казак без отметины? Тут почитай у всей станицы шрамы имеются.

– Одно дело – в бою шрам получить, а другое – вот так, на пустом месте, – проворчал Матвей в ответ и, махнув рукой, поплёлся в дом.

Больше всего его раздражала собственная беспомощность. Воспитывая мальчишку, дед не миндальничал и с первого дня вбивал в него одно, но непреложное правило. Ты мужик, а значит, права на слабость не имеешь. Пока движешься, мыслишь, значит, можешь всё, и справляться со всеми проблемами должен, как здоровый. Через боль, нежелание и все препятствия. Именно это правило спасало его и в уличных драках, и в армии, и в разборках со всякими отморозками.

К восемнадцати годам Матвей имел разряды по боксу и по рукопашному бою, так что противником он был непростым. А бояться дед его отучил в первый же год их совместной жизни. Точнее, научил мальчишку переступать через свой страх. Так что теперь, бредя к крыльцу, парень мысленно делал всё, чтобы не дать себе скатиться в отчаяние и истерику. Слишком много всего навалилось разом. И смерть деда, и удар молнии, и перенос непонятно куда, а главное, зачем. А самое главное, непонятно что творящееся с его организмом.

Усевшись на свою лежанку, Матвей задумчиво осмотрелся и, заметив на столе оставленную прапрабабкой ложку, хмыкнул. Инструмент был явно старым и давно находившимся в употреблении. Края выщерблены. А значит, ему есть чем занять руки и спокойно подумать. Поднявшись, Матвей снова выбрался из дома и, добредя до навеса, где хранились дрова для печки, принялся перебирать нарубленный топором хворост. Выбрав подходящий по толщине

обрубок орешника, парень с грехом пополам разрубил его пополам и отправился в обратный путь.

Подобрав в сенях старую корзину и кусок дырявой рогожи, он вернулся в комнату и, прихватив на кухне нож покрепче, принялся резать. Руки дрожали от напряжения, нож то и дело срывался, но Матвей упорно продолжал вырезать ложку с длинной рукоятью. Очевидно, она была у Настасьи чем-то вроде поварёшки. Вошедшая в хату женщина, увидев его за этим занятием, растерянно охнула и, не удержавшись, укоризненно произнесла:

– Вот ведь неугомонный. Ну куда тебе ещё работать? Полежал бы, да в себя покуда пришёл.

– Я уж все бока себе отлежал, – отмахнулся Матвей и, закусив от усердия губу, принялся срезать с обрубка всё лишнее под ручку. – Да и не шевелюсь я особо. Так, руки только двигаются, – выдохнул он, переводя дух.

– А чего это ты режешь-то? – вдруг заинтересовалась женщина.

Называть её матерью у Матвея пока получалось плохо.

– Да вон, приметил, что у тебя ложка вся словно обгрызена, вот и решил новую сделать, – кивнул парень на лежавшую на столе поварёшку.

– Простым ножом? – иронично усмехнулась Настасья.

– А чем ещё? – не понял Матвей. – Иного инструмента у меня нет.

– Как это нет. А у кого батька первый кузнец на всю округу? – тут же поддела его женщина. – Скажи, какой инструмент нужен, он и скуёт.

– А бумага с карандашом в доме имеется? – подумав, осторожно уточнил Матвей.

– Вон, за божницей лежат, – вздохнув, кивнула Настасья на киот.

Судя по её реакции, она вынуждена была выполнять приказ мужа и заставлять сына двигаться, как бы сложно на это смотреть не было. Кивнув, Матвей отложил заготовку и, тяжело поднявшись, направился в красный угол. Кое-как вскарабкавшись на лавку, он дотянулся до киота и, сунув руку за икону, вытащил тонкую пачку бумаги и свинцовый карандаш. Повертев в пальцах это убожество, парень недоумённо хмыкнул и начал спускаться. Но как назло, в этот момент его ушибленное тело выкинуло очередной фортель.

Голова закружилась, в глазах потемнело, и парень со всего размаху грохнулся с лавки на пол, потеряв сознание. В который уже раз. В себя Матвей пришёл под тихое причитание Настасьи и угрюмое бурчание её мужа. Открыв глаза, парень окинул обоих родственников настороженным взглядом и, вздохнув, уточнил:

– Сильно разбился?

– Бог миловал, – всплеснула Настасья руками.

– И чего тогда спорите? Обошлось, и ладно, – прокрихтел Матвей, делая попытку подняться.

– Лежи уж, горе моё, – буркнул прапрадед, одним движением вскидывая его на руки.

В три шага донеся парня до лежанки, казак осторожно опустил его на набитый свежим сеном матрац и, присев на край, тихо спросил, подталкивая носком сапога корзину со стружкой:

– Как себя чувствуешь, сынок?

– Благодарствую, батя. Вроде чуть получше мёртвого, – не сумел промолчать Матвей.

– Вот зубоскал, – не удержавшись, усмехнулся Григорий. – Может, вспомнил чего?

– Вспомнил. Но почему-то всё по инструменту и оружию, – вздохнул Матвей в ответ, удручённо разводя руками.

– А инструмент какой? – моментально сделал стойку мастер.

– Так всякий. И слесарный, и столярный, и кузнечный. Да ещё и по оружию всякое. Вот только никак понять не могу, где я его видеть мог.

– Вот и я не понимаю, – проворчал кузнец, почёсывая в затылке. – А бумага-то тебе зачем понадобилась?

– Так хотел просить тебя инструмент кое-какой мне сделать, – вернулся Матвей к главному. – А то матери нужно ложку новую вырезать, а у меня кроме ножа и нет ничего.

– Ну-ка, рисуй, – резко поднявшись и подхватив с пола карандаш и бумагу, велел кузнец, протягивая парню принесённое.

– Значит так, – принялся пояснять Матвей, быстро нанося на бумагу рисунок нужных ему штихелей. – Вот это, значит, для тонкой резьбы, это для округлой, а вот такой резак для того, чтобы из черпала ненужное выбирать. Только калить это всё надо так, чтобы как булат было. Тут ровный срез важен.

– Ишь ты. Булат, – удивлённо фыркнул кузнец. – Знать бы ещё, как тот булат куётся, – задумчиво вздохнул он.

– погоди, батя. Ты ж оружейник. Неужто секрета не знаешь? – растерялся Матвей.

– Его теперь вообще мало кто знает, – окинув парня задумчивым взглядом, вздохнул Григорий.

– Сейчас ничего говорить не стану. Вот на ноги встану, тогда и попробуем, – решившись, тихо пообещал Матвей.

– Чего это ты пробовать собрался? – не понял кузнец.

– Я тут пока лежал, вспомнил кое-что. Вроде как булат, но точно это узнать можно будет, только попробовав, – еле слышно ответил парень.

– Это откуда ж ты такое вспомнить-то мог? – растерянно проворчал кузнец. – Это ж тайна великая.

– Батя, у меня после той молоньи в башке так всё перемешалось, что и я сам теперь не очень понимаю, что сам знал, а что непонятно откуда взялось, – ещё тише отозвался Матвей. – Сам видел. Иной раз на пустом месте духу лишаюсь, словно барыня при виде мыши.

– Да уж, угораздило тебя, – мрачно кивнул кузнец. – Добре. Встанешь, будем пробовать.

– Тогда ты пока прутки толщиной в четверть пальца собирай. Железные и стальные, – тут же отреагировал парень.

– И много тех прутков тебе потребно? – озадачился Григорий.

– По два десятка тех и других, и длиной в локоть, – прикинув количество нужного материала, быстро ответил парень.

– Добре, сделаю, – чуть подумав, решительно кинул мастер.

– А ножи? – решил наглеть до конца Матвей.

– И ножи скую, – усмехнулся кузнец, аккуратно сворачивая Матвеевы каракули. – Вижу, что не баловства ради, а для дела нужны. Завтра и начну, – свернул он разговор, поднимаясь.

Ужин прошёл спокойно, и на этот раз, словно для разнообразия, организм парня даже не пытался отчебучить что-то непотребное. С темнотой все разошлись по своим постелям, а едва небо начало светлеть, как на улице послышался разноголосый крик петухов. Матвей, которому подобные будильники были непривычны, усилием воли спихнул себя с лежанки и отправился умываться.

Настасья уже успела вскочить и умчалась доить буйволицу. Громадную чёрную животину, которую тут держали вместо коровы. Оправившись и умывшись, Матвей получил от женщины кружку парного молока с толстым куском хлеба и, позавтракав, вернулся к начатой работе. К обеду новая поварёшка была готова. Для большей гладкости Матвей обработал её влажным песком вместо наждачной бумаги. Ополоснув получившийся инструмент, парень торжественно вручил её Настасье.

Удивлённо охнув, женщина с интересом повертела поварёшку в руках и, покачав головой, проворчала:

– Вот уж и вправду мастеровитый ты у меня, сынок.

– Был, – скривился Матвей. – А что теперь будет, одному богу известно.

– Уймись, Матвеюшка. Всякие беды в жизни бывают. Всякое переживали, и это переживём.

«Угу. Как было написано на кольце царя Соломона: всё проходит, и это пройдёт», – подумал Матвей, кивая.

– Не журишь, сынок, – по-своему поняв его молчание, продолжила женщина. – Видать, не просто так спас тебя Господь. Нужен ты ему зачем-то.

– Знать бы ещё зачем, – не сумел промолчать Матвей.

– А ты не торопись. Придёт время, само всё решится. Поймёшь.

– А как понять-то? – снова не сдержался Матвей.

– Бога побойся, – разом посуровев, осадила его Настасья. – Сказано, придёт время, узнаешь, что и как.

– Ну, если только так, – вздохнул парень, отвечивая себе мысленный подзатыльник.

За словом в карман он никогда не лез, но и всегда знал, где следует промолчать. А тут словно кто-то специально за язык тянет. Взяв себя в руки, парень задумчиво повертел в руках оставшуюся половинку обрубка и, чуть пожав плечами, принялся резать вторую ложку. Теперь, когда дело было уже привычным, всё пошло гораздо веселее. Было бы ещё лучше, если б вместе с навыком улучшилось и дело с организмом, но руки по-прежнему плохо слушались.

* * *

Отложив молоток, Матвей тяжело перевёл дух и, тряхнув головой, еле слышно проворчал:

– Твою ж мать! Когда это уже кончится?

По сравнению с тем, что он ощущал в первые дни после удара молнии, можно было сказать, что парень почти здоров, а на самом деле всё было далеко не так радужно. Головокружение и тошнота то и дело накатывали, заставляя его хвататься за любую опору, а ноги в такие моменты подгибались, норовя уронить его на землю. Благо сознания он не терял уже почти месяц. Судя по ощущениям, его состояние было сродни тому, что испытывает человек после тяжёлой контузии.

По сути, это так и было. Разряд ударил в клинок шашки и, пройдя через рукоять и тело, ушёл в землю. Похоже, парня спасло то, что начавшийся дождь успел промочить одежду и обувь, и основная сила заряда пролетела по внешней стороне тела. Само собой, это были только догадки, но иного объяснения своему спасению Матвей не находил. Как не понимал и того, что с ним происходит.

Тело это, бесспорно, было его. Он даже нашёл несколько старых шрамов, которые получил ещё в детстве. Но вместе с тем это тело было гораздо моложе того, первого. Была и ещё одна странность. Тонкий шрам над правой бровью, полученный им в армии, исчез, словно его никогда и не было. У Матвея, после долгих размышлений, сложилось такое впечатление, что молния не просто перекинула его во времени, но и вернула его тело к возрасту его родных девятнадцати лет.

– Хренасе омоложение, – бурчал про себя парень, в очередной раз рассматривая своё отражение в бочке с водой.

Мать, заметив его интерес к собственной внешности, достала из сундука небольшое зеркальце и, вздыхая, повесила его на кухне, у рукомойника. Но пользоваться им Матвей не рискнул. И без того родители смотрели на него с жалостью и настороженностью. Припомнив, что в эти времена в станице объяснить что-то, опираясь на науку, было бы сложно, парень старательно делал вид, что молния вышибла у него все воспоминания. По сути, так оно и было.

Ведь теперь ему приходилось узнавать окружающий мир заново. Всё вокруг было странным и незнакомым. Благо случившееся с ним видели многие и свидетелей удара молнией хватало. Так что так называемая амнезия никого особо не удивляла. Но возникла другая проблема. Местный поп с какого-то перепою решил, что всё случившееся не иначе как происки нечистого, и принялся регулярно заходить к ним на подворье.

Матвей хоть и был крещёным, к религии относился равнодушно. Дед, царствие ему небесное, регулярно повторял:

– Господу молитва от души нужна. А уж где ты молиться будешь, в поле или в церкви, всё едино. Главное, чтобы оно от души шло, а не по команде.

Так что визиты эти Матвей воспринимал с заметной настороженностью. Да и сам поп вёл себя достаточно вызывающе. Входя в хату, он первым делом внимательно осматривался и даже принохивался, хотя по канону обязан был осенить себя крестом. После присаживался к столу и принимался задавать парню странные вопросы. В первое время Матвей старался держаться вежливо и на вопросы отвечал коротко. Но очень скоро ему это надоело, и он, вместо того чтобы отложить работу, небрежно ответил:

– Вам, батюшка, забот больше нет, что вы сюда словно на службу ходите?

– А тебе это в тягость, выходит? – тут же вскинулся поп.

– Мне до того и дела нет. Хотите ходить, ходите. Вот только от работы меня отвлекать духовному лицу не след. Ибо сказано в Писании: хлеб свой в поте лица своего добудешь, – моментально нашёлся Матвей, успевший в своё время прочесть Библию и неплохо ее помнивший.

– Дерзишь, व्यюнош, – повысил поп голос. – К отцу духовному почтения не имеешь?

– Я Господа Бога почитаю, родителей своих да круг казачий, а до вас мне и дела нет, – фыркнул Матвей, продолжая осторожно орудовать ножом.

Его стараниями в доме сменились все ложки и поварёшки. Парень даже решил попробовать вырезать миску, но подходящего дерева не нашлось. Пришлось ограничиться небольшими то ли чашками, а то ли стаканами. Во всяком случае, пить из них было очень удобно. Услышав столь дерзкий ответ, поп едва не вместе с лавкой подпрыгнул.

– Да ты, сопляк, и вовсе страха не имеешь?! – завопил он, едва обретя дар речи.

– А ты меня на горло-то не бери, – огрызнулся Матвей, не поднимая головы. – Я в своём дому, а тебя сюда и не звал никто. Чего пришёл? Чего выискиваешь?

– Знать хочу, – осёкшись, угрюмо буркнул поп.

– Чего знать? – не унимался парень.

– Чьим попусением ты жив остался.

– Самому бы знать, – помолчав, вздохнул Матвей. – Да и как ты это из разговора узнаешь? Крестом я себя осеняю, иконы, вон, как стояли в красном углу, так и стоят. Чего ж больше?

– А ежели я тебя святой водой окроплю? – моментально нашёлся поп.

– Да хоть всю купель на меня вылей, – отмахнулся Матвей. – Нет тут ничего.

– А где есть? – не сдавался поп.

– Ты когда меня соборовал, святой водой окроплял? – спросил парень, глядя попу в глаза.

– А как же!

– А вода та и вправду святая была, или из соседнего колодца набрал? – снова поддел его Матвей.

– Ты... говори, да не заговаривайся, – снова зарычал поп.

– А я не заговариваясь. Я знать хочу, всё ли по канону сделано было, – рыкнул Матвей в ответ.

– Всё. Как положено, – помолчав, тряхнул поп широкой бородищей.

– Так чего ты теперь от меня хочешь? – возмутился парень. – Сам говоришь, всё по канону делал. Предметы святые меня не пугают. Чего больше-то?

– Выходит, думаешь, что всё Божиим соизволением случилось? – подумав, осторожно уточнил священник.

– Ну, бесовского во мне сейчас точно ничего нет, – пожал Матвей плечами. – Вот стану ходить нормально, и на службу приду. Да и не сейчас искать надо.

– А когда? – снова насторожился поп.

– Когда случилось всё. Сразу. В ту же минуту. А теперь только гадать можно, как оно произошло и с чего так получилось.

– Сразу, – криво усмехнулся поп. – Меня только к вечеру позвали.

– Неужто прежде такого не случалось? – помолчав, осторожно уточнил парень. – Ведь наверняка было, что людей и прежде молоньей лупило.

– Бывало, – помолчав, кивнул священник. – Но люди те не выживали. Кто сразу помер, а кого в пыль спалило. Вот и думай теперь.

– А чего мне думать? – пожал Матвей плечами. – Видать, решил Господь, что я дело своё в этой жизни ещё не исполнил, вот и отправил душу обратно, на дожитие. Может, я ещё им предназначенное не исполнил?

– А ты, значит, знаешь, что исполнить должен?

– Ты б не богохульствовал, – зарычал вдруг Матвей. – Промысел Божий человеку простому знать не дано. Да и ты, хоть и духовное лицо, а помыслов его знать не можешь.

– Кх-м, так-то оно верно, – неожиданно смутился поп. – Но ведь такое дело без присмотра я оставить никак не могу. Сам понимать должен.

– Так ты и не оставил. Приходил, смотрел, наблюдал, как я себя крестом осеменяю, – усмехнулся Матвей, широко перекрестившись. – Иконы вон, испокон веку в киоте стоявшие, сам видишь. Хочешь водой святой окропить? Кропи. Слова против не скажу. А больше ничего ты тут сделать не можешь.

– В Екатеринославе мощи святые хранятся. Тебе б съездить туда, да поклониться им, – ехидно прищурившись, неожиданно предложил поп.

– Я по двору-то еле ползаю, а ты меня в дальнюю дорогу гонишь, – возмутился Матвей. – Да и батю сейчас не до поездок таких. Вот приду в себя, там видно будет.

– А я тебя сам туда свезу, – тут же нашёлся поп.

– А приход, значит, бросишь, – ехидно усмехнулся Матвей. – А ежели кто помрёт, не приведи господи, или жениться надумает? Это ведь не на один день поездка.

– Выкручиваешься? Ехать не хочешь? – неожиданно наехал на него поп.

– Смысла не вижу, – равнодушно пожал парень плечами. – Или ты решил, что святая вода там и святая вода тут разной святости? А может, и вправду в соседнем колодце её набираешь, вот и не веришь? – не остался он в долгу.

– Уж больно ловок ты со словесами стал, – поперхнувшись, высказался поп.

– Всегда таким был, да только с тобой говорить не доводилось. Да и не о чем нам спорить было, – криво усмехнулся Матвей.

– Ладно, поглядим, что дальше будет, – чуть подумав, свернул поп разговор и, поднявшись, вышел из дома.

– Чего от тебя долгогривому надо было? – едва переступив порог, с ходу спросил вошедший Григорий.

– Думает, что я жив остался только происком лукавого, – презрительно фыркнул парень.

– От дурак-то, прости господи. Всё ж у него на глазах было, – возмутился кузнец.

– Вот и я ему о том говорил, – вздохнул Матвей.

– А он чего?

– Предложил мне в Екатеринослав ехать. Святим мощам поклониться.

– Не до того сейчас. Но съездить, может, оно и неплохо было б, – подумав, проворчал казак.

– Вот в себя приду, и можно будет скататься, – пожал Матвей плечами.

– Бог с ним. То дела не скорые, – сменил кузнец тему. – Ты давеча про булат говорил. Как думаешь, получится у тебя его отковать?

– Не знаю, батя, – помолчав, вздохнул парень. – Тут ведь всё самому смотреть да пробовать надо. Оно ж не на бумажке записано. Оно тут у меня сидит, – закончил он, для наглядности постучав себя пальцем по виску. – Ты пруты отковал?

– Готово всё уже.

– Тогда ещё угля каменного найди. Только такого, чтобы на сломе как стекло блестел.

– Знаю такой. Жарко горит, но для него и меха качать надо шибко.

– Угу, да только он нам не только дляковки нужен будет. Его надо в пыль смолоть, чтобы приковке заготовку посыпать.

– В пыль, значит? И много той пыли надобно?

– С ведро, не больше.

– Добре. Будет тебе пыль угольная, – подумав, решительно кивнул мастер.

– Батя, а с чего ты мне вот так запросто поверил? – подумав, решился спросить Матвей. – Сам знаешь, что прежде про булат я только слышал. А видеть его мне толком и не доводилось.

– Мечта то моя, – помолчав, тихо вздохнул кузнец. – Всегда хотел секрет булата узнать. Чтобы сковать шашку. Настоящую. Которой любого ворога вместе с саблей от плеча до пояса развалить можно.

– Даст бог, сложится, батя, – так же тихо отозвался Матвей.

Кивнув, Григорий вздохнул и, махнув рукой, широким шагом вышел из хаты. Глядя ему вслед, парень сглотнул неожиданно вставший в горле ком и, покачав головой, еле слышно проворчал:

– Блин, неужели меня сюда именно из-за этого перекинуло?

Резко навалившаяся дурнота заставила его бросить заготовку и инструмент и откинуться на стену. Даже просто усидеть на месте для него в такие моменты было сложно.

– Твою мать! Да когда ж это кончится? – прохрипел он, пытаясь отдышаться. – Это уже не контузия, это хрень какая-то.

Дурнота медленно отступила, и Матвей, тяжело поднявшись, проковылял на кухню. Напиться. Жадно выхлебав два ковша воды, он утёр лицо ладонью и, отдышавшись, вернулся на место.

Мать весь день крутилась по хозяйству, успевая обиходить всю скотину и птицу, а после пробежаться по огороду, а отец не вылезал из кузни, выполняя заказы соседей на утварь и инструмент. Оружие заказывали ему редко, но в этом случае он мог не выходить из кузни сутками. Потому и клинки от него ценились.

Так что днём Матвей был обычно предоставлен самому себе. Мать, точнее, прапрабабка, убедившись, что постоянного присмотра за ним не требуется, вернулась к обычному ритму жизни. И надо было признать, что работы по хозяйству ей хватало. Отец кроме кузни и работы в поле иным и не занимался. Но его профессия кормила всю семью и, надо признать, кормила серьёзно. За хороший инструмент станичники платили не скупясь. Так что в доме всегда было всего в достатке.

Выглянув в окошко, Матвей убедился, что Настасья застряла на огороде, и, выйдя на середину комнаты, принялся отрабатывать разминочный комплекс. Это тело нужно было срочно приводить в порядок. Ползать всю оставшуюся жизнь морёным тараканом парень не собирался. Не для того он изводил себя на тренировках до кровавой пелены в глазах, чтобы стать инвалидом в новой жизни. Тело нехотя, со скрипом, но слушалось. Матвея то и дело бросало в испарину, но он упрямо продолжал гнать комплекс, заставляя свой организм подчиниться воле.

* * *

Спустя три месяца после всего случившегося Матвей вдруг заметил, что его тело вдруг стало приходить в норму. Исчез тремор в конечностях, приступы головокружения и тошноты стали очень редкими, и мышцы начали наливать силой и приобретать рельеф. Прежде, уже вернувшись из армии, он регулярно посещал тренажёрку и старался держать себя в форме. Так что, едва заметив наступившие улучшения, парень на радостях принялся изводить себя тренировками, торопясь вернуть себе прежние кондиции.

Заметили эти улучшения и родители. Наступившая осень требовала срочно озаботиться заготовкой продуктов на зиму. А главное, пришло время сбора хлеба. Услышав, что Григорий собирается в поле, Матвей сам напросился с отцом. С сомнением посмотрев на него, кузнец задумчиво хмыкнул и, качнув роскошным смоляным с проседью чубом, проворчал:

– Ты литовку-то в руках удержишь?

– С божьей помощью, батя, – хмыкнул Матвей в ответ.

– Добре. Ежели что, хоть по хозяйству управляться будет кому, – махнул Григорий рукой, соглашаясь.

Настасья спорить даже не пыталась. Мужики решали свои дела, и влезать в разговор ей было не след. Только когда отец ушёл проверять телегу, женщина быстро подошла к Матвею и, тронув его за рукав, тихо попросила:

– Сынок, ты бы не спешил так. Едва жив остался. Посидел бы ещё дома.

– Справлюсь, мам, – вздохнул парень, усилием воли заставляя себя назвать её матерью. – Ты ж слышала, ежели что, по хозяйству займусь.

Устало кивнув, Настасья взъерошила ему заметно отросшие волосы и, чуть улыбнувшись, предложила:

– Давай постригу. А то оброс, как наш барбос.

В ответ Матвей непроизвольно улыбнулся. На подворье кузнеца, в будке, на длинной цепи, сидел кудлатый кавказский волкодав. Громадная псина, способная в одиночку порвать волка. Настасья регулярно стригла его, чтобы кобель не получил теплового удара. Шерсть у собаки была густая и длинная. Из той шерсти женщина вязала очень тёплые носки, так что сравнение было достаточно комично.

Покорно усевшись посреди хаты на табурет, Матвей подставил ей голову, и Настасья, ловко щёлкая ножницами, быстро привела его причёску в порядок. Отряхнув голову, парень поднялся и, не удержавшись, принялся рассматривать себя в зеркале. Как оказалось, парикмахером Настасья была отменным. Теперь причёска парня очень напоминала армейский полубокс, но с местным колоритом. Роскошный вьющийся чуб остался нетронутым.

Вернувшийся из сарая кузнец, окинув парня чуть ироничным взглядом, одобрительно кивнул и, дождавшись, когда жена отправит все сметённые волосы в печь, велел подавать ужин.

Утром, едва проглотив по кружке молока с хлебом, они погрузились в телегу и отправились в поле. Григорий, правивший высоким каурым мерином, вывез их к своему наделу и, указывая Матвею на покосившийся шалаш, велел:

– Я коня распрягу, а ты пока шалаш поправь. Ночевать тут станем. Неча каждый день в станицу кататься.

Молча кивнув, Матвей прихватил из телеги топор и отправился к ближайшему перелеску. Срубив пару жердей и нарубив ветвей для крыши, он прихватил пару полос ивовой коры и вернулся обратно. Поправить шалаш для парня было делом получаса. Убедившись, что всё сделано правильно, Матвей вернулся в перелесок и принялся собирать хворост. Притащив к биваку пару вязанок, парень вернул топор в телегу и, прихватив косу, отправился следом за

отцом. Григорий уже успел пройти по краю половину своего надела, так что Матвею пришлось приналечь.

Тело, отвыкшее от подобных нагрузок, очень скоро принялось ныть и покрываться потом, но парень заставил себя закончить начатое дело. Внимательно наблюдавший за ним кузнец, приметив его состояние, вздохнул и, хлопнув парня по плечу, скомандовал:

– Ступай кулеш варить. Хватит с тебя покуда.

Кивнув, Матвей покорно поплёлся к шалашу. Спорить и пытаться что-то доказывать в данной ситуации было бы глупо. Сходяв к роднику, парень набрал воды и, разведя костерок, принялся кашеварить. Вяленое мясо, сало и крупу им приготовила Настасья, так что осталось только приложить руки. Благо готовить Матвей умел и делал это с удовольствием. Сам был любителем хорошо поесть. Так что приправ и специй он не жалел. Благо в этих местах они были не редкость.

Пройдясь по наделу ещё два раза, Григорий вернулся к шалашу и, устало опустившись на выбеленное солнцем бревно, негромко сказал:

– Завтра станешь снопы вязать. Похоже, рано тебе ещё косой махать.

– Бать, дай хоть одну полоску пройти, – подумав, попросил Матвей. – Уж столько-то я выдержу.

– Добре, – одобрительно усмехнулся кузнец. – А добрый ты кулеш сварил, – неожиданно сменил он тему, принохиваясь к вареву.

– Погоди ещё трошки, скоро поспеет, – усмехнулся Матвей. – Умойся пока. Я котелок под чай подвешу.

Кивнув, кузнец поднялся и неспешным шагом отправился к роднику. Этот крошечный источник воды обеспечивал их надел влагой, от чего урожаи у семьи всегда были добрыми. Пока Григорий приводил себя в порядок, парень, помешивая почти поспевший кулеш, судорожно вспоминал, как именно надо вязать те самые снопы. Но на память почему-то всё время приходило, что этим делом обычно занимались женщины. Поднявшись, он прихватил с земли несколько срезанных колосьев и попытался увязать их в жгут.

За этим занятием его и застал вернувшийся кузнец. Увидев, чем парень занят, Григорий грустно покачал головой и, отобрав у него колосья, быстро скрутил их в ровный жгут.

– Вот так оно верно будет. А то накрутил бог знает чего. Похоже, так ничего и не вспомнил?

– Угу, – мрачно кивнул Матвей.

– Не журишь, – хлопнул его по плечу отец. – Руки есть, ноги держат и голова на месте. Придёт время, вспомнишь. А пока, ежели чего не помнишь, меня спрашивай.

– Добре, бать. Спрошу.

– Ну и слава богу. Пошли, вечерять пора, – подтолкнул его к шалашу кузнец.

Поужинав, они не спеша попили чаю и завалились спать, чтобы с первыми лучами солнца снова приступить к работе.

Эти две недели Матвей потом вспоминал, как одни из самых трудных в своей жизни. Солнце палило не по-осеннему жарко. Мокрая от пота рубаха липла к телу, а острая шелуха от колосьев заставляла чесаться всё тело. Но, сцепив зубы, он терпел и делал всё, что велел ему кузнец, отлично понимая, что именно этот хлеб позволит ему и всей семье пережить зиму и весну.

Скосив свой надел, они вернулись домой и спустя неделю отправились на сенокос. Но здесь всё было гораздо проще. Сено не нужно было увязывать и укладывать. Скосил, выровнял ровной дорожкой и жди, пока высохнет. Главное, не забывать регулярно его ворошить, чтобы не запрело от росы и высыхало равномерно. Вдвоём они с отцом накосили сена с большим запасом. Во всяком случае, так утверждал сам кузнец.

Наконец, и эта горячая пора закончилась, и они смогли вернуться домой. К удивлению Матвея, все эти хлопоты пошли ему на пользу. Он ещё больше окреп, а ладони покрылись коркой крепких мозолей. Да и общее состояние организма заметно улучшилось. Только иногда накатывала головная боль. Не резкая, но долгая и изматывающая. Но к этому можно было притерпеться, что парень и делал, заставляя себя отвлекаться на работу.

Отвезти собранный хлеб на ток, а после на мельницу было не сложно. Как и перевезти всё высохшее сено на сеновал во дворе. Это уже можно было назвать обычной рутинной. Убедившись, что семья перезимует с хлебом, а скотина не начнётдохнуть с голоду, Григорий вернулся к своему главному делу. С утра до вечера в кузне горел горн и звенела наковальня. Станочникам нужно было перековать коней и поправить инструмент. Матвей, пользуясь своим улучшившимся состоянием, напросился к отцу в напарники.

Качая меха и орудя кувалдой, парень попутно вспоминал весь процессковки булата. Благо в данной ситуации он был только подмастерьем. Убедившись, что уже может спокойно отстоять у наковальни весь день, Матвей улучил момент и, подойдя к отцу, тихо спросил:

– Ну что, батя, будем с булатом пробовать?

– Одна попробовала, да родила, – фыркнул мастер в ответ. – Тут не пробовать, тут делать надо. Сам-то готов? Всё вспомнил?

– Вроде всё, – чуть подумав, решительно кивнул Матвей.

– Вроде, – хмыкнул мастер. – Добре. Вот завтра помолясь и начнём.

Утром, убедившись, что все заказы выполнены, Григорий достал из угла давно уже пригтовленные прутья железа и стали и, положив их на наковальню, принялся чистить горн. Сообразив, что он собирается разжечь его, Матвей шагнул к отцу, тихо сказав:

– Бать, рано ещё с огнём. Прежде мы с этим на холодную работать станем.

– Добре. Говори, чего делать, – помолчав, решительно кивнул мастер.

Отобрав из приготовленного три железных прута и семь стальных, Матвей зажал их в примитивные тиски и принялся скручивать в один тугий жгут. Сообразив, что он делает, Григорий отодвинул парня в сторону, и вскоре нужный рулон оказался на наковальне.

– Теперь, не разогревая, вытягиваем его кувалдами, – скомандовал Матвей, подхватывая инструмент.

Григорий, ухватив клещи, развернул заготовку поудобнее и, взяв тяжёлый молоток, с силой ударил по металлу. Кувалда Матвея тут же обрушилась в указанное молотком место. Опытный кузнец за полчаса вытянул заготовку в длину и, отложив молоток, вопросительно посмотрел на сына. Кивнув, тот снова зажал заготовку в тисках и быстро сложил её пополам, после чего снова принялся скручивать в жгут.

Внимательно следивший за его действиями кузнец кинулся помогать. Матвей отлично понимал, что мастер делает это не из-за недоверия, а из желания самому изучить весь процесс изготовления вожделенного булата. Получившийся жгут снова проковали и вытянули, после чего снова принялись сворачивать. Так повторялось до самой ночи.

А следующим утром был разожжён горн. Раскалив получившуюся заготовку, они в очередной раз вытянули её в длину и, сложив пополам, снова принялись проковывать. Но прежде Матвей посыпал внутреннюю часть заготовки угольной пылью. Это повторялось раз за разом. Матвей уже и сам потерял счёт количеству раз, которые они повторяли этот процесс, но точно помнил, что в одном квадратном сантиметре булатной стали должно быть не менее полутора тысяч слоёв. Так что останавливаться он не собирался.

Этаковка шла двое суток. Всё это время в кузне горел горн и кипела работа. Наконец, вытянув заготовку с последний раз, Матвей подхватил с верстака зубило и, протянув его отцу, скомандовал:

– Рубим её на три части.

Удивлённо хмыкнув, кузнец прижал зубило к нужному месту, и парень с силой опустил на него кувалду. Полученные заготовки снова отправились в горевший горн, и парень, тяжело вздохнув, скомандовал:

– Пошли спать. Завтра продолжим.

– А что это ты задумал? – не удержавшись, поинтересовался мастер.

– Три ножа откуём. Одинаковых.

– А три-то зачем? – не понял Григорий.

– Так трое нас в семье, – пожал Матвей плечами.

– Выходит, решил с малого начать, – понимающе кивнул кузнец.

– Как оно получится, видно будет, но ежели что, то хоть ножи у всех толковые будут, – кивнул парень.

– А чего ножи, а не кинжалы те же? – не унимался Григорий.

– Бабе кинжала носить не дано. А мать в хате часто одна остаётся. Вдруг варнак какой появится, – буркнул Матвей первое, что на ум взбрело. – Да и непонятно пока, что из тех железяк выйдет.

– Тоже верно, – задумчиво хмыкнул Григорий. – Добре. Пусть ножи будут. Добрый нож и в походе, и в хозяйстве всегда сгодится.

– У нас есть, чем резьбу нарезать? – вдруг спросил Матвей, вспомнив, что для его задумки заклёпки не годятся.

– Найду, – коротко кивнул кузнец.

Матвей кивнул в ответ, и они вышли из кузницы, старательно прикрыв за собой двери. Всё способное гореть держалось в дальнем от горна углу, так что за возможность пожара можно было не беспокоиться. Не торопясь жуя поданный Настасьей ужин, парень проигрывал про себя виды ножей, которые можно будет изготовить. Но чем дальше, тем больше он склонялся к воплощению в жизнь своей давней мечты.

* * *

Накрутив оголовье рукояти, Матвей затянул его изо всех сил и, провернув нож в пальцах, озорно посмотрел на отца.

– Как думаешь, поучилось?

– По узору, так точно булат. А вот что по клинку, проверять надо, – осторожно высказался кузнец, забирая у него нож.

– И как это проверить? – не понял парень.

– Да как обычно, другой клинок рубить, – высказался Григорий, направляясь в дальний угол кузни.

Порывшись в куче всякого железа, мастер достал обломок клинка шашки и, подойдя к верстаку, принялся зажимать его в тиски, лезвием кверху. Уже понимая, что он собирается делать, Матвей задумчиво хмыкнул и, чуть пожав плечами, тихо проворчал:

– Ну, хоть что-то понятно будет.

Между тем кузнец, взяв нож в руку, примерился и со всего маху опустил его на обломок шашки. Силы мастеру было не занимать, так что искры брызнули, словно от электросварки. Поморщившись от такого варварского обращения, Матвей вздохнул и, подойдя к верстаку, всмотрелся в обломок шашки. К восторгу парня, на лезвии обломка обнаружилась крупная выщербина.

Зашипев сквозь зубы, словно разъярённая гадюка, Матвей стремительно обернулся и, выхватив из рук кузнеца нож, развернул его к свету. К его восторгу, лезвие ножа оказалось всё таким же гладким и острым, как до удара.

– Что там? – уточнил кузнец, заглядывая ему через плечо.

– Ни царапины, – радостно выдохнул Матвей.

– Выходит, получилось, – ахнул кузнец.

– Получилось, батя, – кивнул парень и, подойдя к колоде, на которой стояла наковальня, с силой всадил клинок в дерево.

Потом, уперевшись ладонью в оголовье рукояти, принялся сгибать нож, налегая на него всем весом. Древесина колоды затрещала, клинок слегка изогнулся, но испытание выдержал. Выждав какое-то время, Матвей резко убрал руку, и нож, выпрямившись, завибрировал, тихо гудя, словно сердился за такое обращение. Григорий, выдернув нож, опытным взглядом оценил прямоту клинка и, растерянно помотав головой, проворчал:

– Поверить не могу. И вправду вышло.

– Чего теперь делать-то станем, батя? – помолчав, осторожно поинтересовался Матвей, забирая у него нож.

– Как ты и хотел. Ещё два ножа откуём, а после шашку пробовать станем. Это теперь главное всего будет, – решительно заявил мастер, доставая из ящика следующую заготовку.

Ход его мыслей был Матвею понятен. Процесс изготовления такой стали нужно было отработать до мелочей, так что работы им предстояло много. Дожидаясь, пока отец разожжёт горн, Матвей задумчиво вертел в пальцах свою мечту. НР-2, или нож разведчика вторая модель. Такой он видел в армии у старшины своей роты, который прежде проходил службу в спецназе ГРУ. Именно с тех времён ему хотелось иметь такой же клинок. Не длинный, острый и очень удобный.

С первого взгляда любому становилось понятно, что это не игрушка, а настоящее боевое оружие. Точно так же оценил красоту этого клинка и Григорий, едва рассмотрев его ещё в только что откованной заготовке. Отложив готовый клинок, Матвей вернулся к верстаку и принялся обтачивать очередную рукоять. Благо время ещё было. Для этого они с отцом решили взять куски корня кизилового дерева. И крепко, и цвет приятный. Для прочности рукоять насаживалась на черен при помощи костного клея, который они закупили у соседа кожемяки.

Как оказалось, часть, где находился дом кузнеца, в станице называлась ремесленная слободка. Тут селились все мастера ремесленники. К удивлению Матвея, который прежде не интересовался этим вопросом, мастеров казаки берегли и выделяли их в особую касту. Впрочем, по недолгому размышлению, это было и понятно. Казачество всегда было отдельным сословием и испокон веков жило на полном самообеспечении.

В противном случае им приходилось ехать к мастерам в другие поселения и платить за работу серьёзные деньги. Как говорится, казаки войной живут, с войны кормятся. А по нынешним временам с войны особо не прокормишься. Бегать за зипунами на сопредельную сторону им было запрещено. У донских казаков изначально даже струги поотбирали, чтобы лишить их возможности нападать на турецкие корабли.

Второй нож был выкован гораздо быстрее. Сказался опыт и полученные навыки. С третьим всё прошло ещё быстрее. Единственное, что удручало самого Матвея, так это непрерывность процесса. Остужать заготовку после начала проковки было нельзя. Как нельзя было и перегревать её. Именно это и было главным секретом полученной стали. Многократное сложение и проковка с поддержанием постоянной температуры. Именно температура помогала сваривать получаемые слои и выжигать угольную пыль, которую использовали вместо флюса.

Обточив и наведя заточку на обе заготовки, Григорий передал их сыну и тут же принялся готовить металл для изготовления шашки. Теперь, когда весь процесс было окончательно отработан, ему не терпелось изготовить настоящее оружие. Насаживая рукояти и покрывая их лаком, Матвей с интересом наблюдал, как опытный, много повидавший мастер старательно подбирает прутки для очередного изделия и старательно перемалывает в пыль куски антрацита.

Убедившись, что это не сон и он действительно оказался в другом времени, Матвей волевым усилием заставил себя называть своих предков отцом и матерью. Но если быть честным перед самим собой, никакого особого внутреннего отторжения у него это не вызывало. Как ни крути, а это и вправду были его кровные родственники. А значит, он спокойно может их так называть. Тем более что сами пращуры без тени сомнений называли его своим сыном.

Выходит, он внешностью изначально удался в собственного прадеда. Вот только историю с молнией он в семье никогда не слышал. Эта тема никогда не поднималась. И именно это теперь парня беспокоило. Ведь если такого казуса в их семье не случилось, получается, что история начинает развиваться по иному пути. И вот тут Матвей вставал на скользкую дорожку догадок и домыслов. Ведь никакой научной базы у него не было, да и взять её было просто негде. Ведь подобных случаев достоверно никогда не было зафиксировано. Во всяком случае, он об этом не слышал.

Самым сложным для парня оказалось принять случившееся и заставить себя начать вживаться в окружающую действительность. Несколько раз он оказывался на грани нервного срыва, и только железная воля и привитые дедом навыки никогда не сдаваться помогали ему выдержать всё это. Этот спор с самим собой продолжался примерно полтора месяца, но сумев принять случившееся, Матвей понял, что жить стало легче.

Теперь, отбросив эмоции, он мог сосредоточиться на окружающей действительности и начать вписываться в неё. От разоблачения и последующих проблем его спасало только то, что свидетелей всему случившемуся было множество. Так что все свои косяки он легко мог списать на потерю памяти. Но, даже имея такую железобетонную отмазку, он старался воздерживаться от частого общения с соседями. Мало ли какая ерунда вылезет в разговоре или поведении.

Основу для шашки им с отцом пришлось скручивать вдвоём. Благо силой обоих мастеров бог не обделил. Проковав заготовку на холодную, они оставили её и отправились в дом, ужинать и отдыхать. Перед столь серьёзным делом нужно было набраться сил. Проковка шашки должна была занять больше времени, так что им предстояло не спать как минимум трое суток. Как минимум неделю им надо было прожить в обычном режиме.

Чего стоило им обоим изготовление первой шашки, знали только они двое и Господь Бог. Из кузницы мастера вывалились с красными как у вампиров глазами, пошатываясь от усталости. Сунув голову в бочку с водой, Матвей стряхнул с лица воду и охрипшим от усталости голосом проворчал:

– Теперь я понимаю, почему булатные клинки так дорого стоили. Тут пока один откуёшь, сдохнешь.

– Это верно, – устало буркнул Григорий, зачерпывая воду и умываясь.

Заточить, отшлифовать и насадить рукоять было делом ещё нескольких дней. Но теперь, когда гонка на выживание закончилась, это можно было делать не торопясь. Закончив, Григорий осторожно положил шашку на наковальню и, тряхнув головой, еле слышно произнёс:

– Всё. Теперь испытывать надо.

– Другую шашку нести, батя? – осторожно уточнил Матвей.

– Есть тут. Загодя приготовил, – отмахнулся кузнец.

– Ну, так давай испытывать, – предложил парень, не понимая, чего он ждёт.

– Боязно, сынок, – неожиданно признался Григорий.

– Чего боязно? – растерялся Матвей.

– А ну как не выдержит?

– Так для того и учимся. Не вышло сейчас, выйдет после. С ножами-то получилось.

– Ну, может, оно и верно, – вздохнул кузнец, направляясь в угол, где хранилось всякое для работы.

Достав с полки длинный свёрток, он развернул холстину и положил рядом с новым клинком шашку своей прежней работы. С первого взгляда было понятно, что не булат, но по качеству клинок оказался очень неплох. Больше того, видно было, что это настоящее, боевое оружие. Крепкое и надёжное.

– Как испытывать станем, батя? – полюбовавшись на оружие, поинтересовался Матвей.

– На двор пошли, – подумав, скомандовал кузнец.

Обычную шашку кузнец старательно прикрутил к столбу ворот и, отступив, ловко повернул новый клинок в руке, разгоняя его. Резкий взмах, и от клинков посыпались искры. Глядя на это действие, Матвей про себя отметил, что шашкой отец владеет отменно. Таким ударом запросто можно было голову противнику снести. Внимательно осмотрев оба клинка, Григорий повернулся к парню и, растерянно улыбнувшись, радостно выдохнул:

– Держит удар задумка твоя. И заточку не теряет.

– Теперь на туше бы его испытать, – кивнув, проворчал Матвей.

– Пошли, – решительно приказал кузнец, радостно улыбувшись.

Не отвязывая шашки от столба, Матвей поспешил следом за отцом. Выйдя на улицу, кузнец быстрым шагом дошёл до соседнего подворья и, перешагивая тын, громко окликнул соседа.

– Чего шумишь, Гриша? – поинтересовался сосед, выглядывая из сарая.

– Ты надёшь гуторил, что бычка забить хочешь. Не забил ещё? – с ходу спросил кузнец.

– Так не до того было. А тебе-то что за печаль? – удивился сосед.

– Клинок спытать хочу, – ответил кузнец, тряхнув шашкой. – Дозволишь?

– Вона чего, – задумчиво протянул казак. – Добре. Погодь маленько, – кивнул он, снова скрываясь в сарае.

Традиция испытывать новое оружие на мясных тушах появилась давно. Сам Матвей из лекций помнил, что боевые клинки в дохристианские времена испытывались даже на людях. Сосед вывел из сарая здоровенного бычка и, отведя его в дальний угол двора, привязал к плетню. Животина стояла спокойно, лениво пережёвывая свою жвачку. Потом, приготовив всё необходимое для разделки туши, казак махнул соседям рукой и, указывая на животное, вздохнул:

– Ты только это, Гриш, постарайся одним разом его срубить. Не след животине мучиться.

– Добре. Покоен будь, Никифор. И самому это дело не в радость, но клинок спытать дюже потребно, – кивнул кузнец, подходя к бычку.

Здоровенная скотина продолжала флегматично пережёвывать свою жвачку, не обращая внимания на остановившегося в двух шагах казака. Примерившись, Григорий плавно повёл плечами, разминая мышцы, и, одним слитным движением разогнав клинок, взмахнул им. Яростный выскерк, глухой удар, и рогатая голова с каким-то деревянным стуком упала на землю. Вот такого фокуса Матвей никак не ожидал. Снести быку голову одним ударом – это нужно было уметь.

Да и обычной шашкой такого не сделаешь. Позвоночник у быка – это не человеческая кость. Тут не всякое железо выдержит удар. Но, к его огромной радости, клинок испытание выдержал с честью. Отступив в сторону, кузнец уступил место хозяину, и тот, засуетившись, тут же принялся собирать кровь и вообще хлопотать дальше, готовясь разделять тушу. Отерев клинок о шкуру, Григорий внимательно осмотрел лезвие и, повернувшись к парню, радостно улыбнулся:

– Вышло, сынок. Всё, как задумали, вышло.

– Это чего у тебя там вышло, Гриша? – выпрямляясь и вытирая пучком соломы окровавленные руки, заинтересовался сосед.

– Клинок булатный отковать вышло, – гордо ответил кузнец, взмахивая шашкой.

– Ох, чтоб тебя! – ахнул казак, глядя на оружие неверящим взглядом.

* * *

Слух о раскрытии секрета булата разнёсся по станице быстрее степного пожара. У кузни собралось почти всё население станицы, но первыми к воротам подошли станичные старшины. Как вспомнил Матвей, это и был тот самый казачий круг. Понимая, что отвечать станичникам что-то придётся, Григорий, прихватив сына, вышел к тыну и, вскинув над головой шашку, громко произнёс:

– Глядите, соседи. Сделал я булат всё-таки. Седмицу с сыном бились, однако сделали.

– Дозволь глянуть, Григорий, – протолкавшись вперёд, решительно попросил пожилой, но ещё крепкий казак.

– Изволь, Макар Лукич, – вежливо отозвался кузнец, протягивая ему шашку рукоятью вперёд.

Взяв оружие в руки, казак внимательно осмотрел клинок, едва не обнюхивая его. Потом, развернув клинок к свету, поднёс оружие к самым глазам и, удивлённо хмыкнув, громко объявил:

– По узору – похож.

– Ну, бычку голову Григорий одним ударом срубил, так что, ежели и по узору походит, стал быть, и вправду булат сковал, – громко добавил сосед Никифор.

– Рубака Гриша всегда славный был. Он и обычной своей шашкой может кому хошь башку снести, – раздалось из толпы.

«А вот это уже интересно, – моментально сделал Матвей стойку. – Похоже, мой новый папаня тот ещё ухорез. Это надо использовать. Стрелять я умею не плохо, ножевым боем тоже владею, а вот с шашкой не особо».

– Погодите, казаки, – оборвал зарождавшийся спор соседей всё тот же пожилой казак. – У Елизара Кудри сабля была, что он в персидском походе взял. Шамшерка.

– И чего? – не поняли станичники.

– Так нужно его просить два тех клинка сравнить. А там сразу видно станет, булат это или нет. Шамшерка-то у него дамасского булату.

– И верно. Добре рассудил, Лукич. Айда к Кудре, – раздалось над толпой, и все собравшиеся, дружно развернувшись, направились в сторону одной из соседских хат.

Шагая рядом с отцом, Матвей с интересом наблюдал, как казаки то и дело бросали на новое оружие в руках кузнеца заинтересованные взгляды. То, что Григорий объявил, что разгадал секрет булата сам, его не беспокоило. Они с самого начала договорились, что он так и скажет. Ведь объяснить кому-то, что секрет этот он получил во сне, было бы сложно. И так его историю с внезапным выживанием стала притчей во языцех. Так что поднимать волну ещё и этим парень не хотел.

Толпа дошла до нужного подворья, и удивлённые хозяева выскочили на крыльцо с весьма примечательными лицами. Настороженные и готовые ко всему. Но услышав, чего именно от них ждут, соседи тут же расслабились. Из хаты не спеша, опираясь на клюку, вышел седой как лунь казак и, выслушав просьбу станичников, степенно кивнул. Казак помоложе, судя по всему, один из его сыновей, вынес из хаты саблю, и несколько самых уважаемых казаков принялись сравнивать оружие.

К огромному удивлению собравшихся, узор на шашке оказался гораздо тоньше, чем на сабле. Это означало, что количество слоёв в шашке было гораздо больше. Матвей, внимательно следивший за этим сравнением, мысленно возликовал. Шашка, задуманная им, оказалась лучше. Дождавшись, когда ажиотаж несколько стихнет, он протолкался вперёд и, забрав у Лукича оба клинка, принялся сравнивать их сам.

Внимательно наблюдавший за каждым его движением Григорий подошёл к сыну и, делая вид, что рассматривает оружие, тихо спросил:

– Что не так, Матвей?

– Всё так, батя. Всё так. Наша сталь даже получше будет. Слоёв получилось больше, – так же тихо отозвался парень, с облегчением вздохнув.

– Выходит, у нас точно получилось? – не унимался мастер.

– Точно. Сам посмотри, – протянул ему оружие Матвей.

– Слава тебе, Господи, – выдохнул кузнец, истово перекрестившись.

– Ты чего, Григорий? – удивились собравшиеся казаки.

– Сподобил Господь доброе оружие сделать, – радостно улыбнулся кузнец.

– Это да. Это верно, – закивали казаки, понимая, чему так радуется мастер.

Вернув саблю хозяину, Григорий вежливо попрощался со стариком и, забрав свою пашку, вышел со двора на улицу. Казаки без разговоров расступились, пропуская мастера. Народ начал расходиться, негромко обсуждая всё услышанное. У самого подворья кузнеца отца и сына вдруг догнал один из казаков и, преградив им путь, решительно спросил:

– Гриша, по чём пашку продашь?

– Тебе-то она зачем, Леонтий? – откровенно удивился кузнец. – Ты ж скоро из реестра выписываться станешь. Не мальчишка, чай.

– Сыну хочу. Рубака он славный, а с такой пашкой ему и равных не будет. Не твоему меченому чета, – неожиданно закончил он, окинув Матвея презрительным взглядом.

– Ты язык-то придержи, Леонтий. То, что сын у меня болеет, ещё не значит, что он других хуже, – тут же вскинулся кузнец.

– Да ладно тебе, Гриш, – отмахнулся казак. – Сам ведь знаешь, он и прежде никогда толком пашкой рубить не мог, а теперь уж и подавно. Да и что тебе за беда. Надо будет, новую ему скуёшь. Продай, я за ценой не постою.

– Нет. Эту не продам. А коль сильно надо, давай о цене сговариваться. Другую тебе откую, – сжав губы в узкую полоску, решительно заявил кузнец.

– Добре, – подумав, кивнул Леонтий. – Завтра зайду к тебе. Сговариваться станем. Но учти, Григорий, клинок тот не хуже этого должен быть.

– Это когда я за работу свою не отвечал? – возмутился мастер.

– Тоже верно. Добре, тогда до завтра, – чуть смутившись, попрощался Леонтий.

– Выходит, я прежде пашкой владел плохо? – проводив его взглядом, на всякий случай уточнил Матвей.

– Ты у пластунов учился. А они в лаве не рубятся, – нехотя буркнул кузнец.

– Бать, научи меня пашкой рубить, как ты рубишь, – повернувшись к Григорию, попросил парень.

– А оно тебе надо? – неожиданно спросил кузнец. – Тебе ремесло моё перенять надо, а не пашкой махать.

– Казак я, батя. От роду казак. А казак без пашки кто угодно, но не вой, – не отступил Матвей.

– А булат как же? – устало спросил мастер. – Мне без тебя не управиться, сын.

– Так я ж не помираю, – развёл Матвей руками. – Учиться у тебя стану, как ремеслу учусь. А в кузне я тебе всё одно помогать стану.

– Задело тебя, что Леонтий сказал, – понимающе кивнул Григорий. – Да только правда то. Сын его и вправду вой, каких поискать. И с пашкой, и с ружьём, и с револьвером.

– А на кулаках как? – нашёлся Матвей.

– Да как все, – удивлённо пожал кузнец плечами.

– Выходит, ухваток пластунских не знает? – не унимался парень.

– Не стал учить, – усмехнулся Григорий. – Говорит, мол, дурь это. В бою такое не потребно.

– Сам он дурак, – фыркнул Матвей. – В бою всё случиться может. Ну да бог с ним. Так что, батя? Станешь меня рубке учить?

– Добре, сын. Научу, как меня учили, – помолчав, решительно кивнул мастер.

Это парню и было нужно. Его физические кондиции по сей день оставляли желать лучшего, так что одной работой в кузне тут было не обойтись. Ему требовалось вернуть себе ту форму, в которой он был, уходя из армии. Так что, едва только ажиотаж от новости о стали немного стих, парень принялся организовывать на заднем дворе настоящий спортгородок. Палка, приколоченная к двум деревьям, заменила турник. Под навесом появился кожаный мешок, набитый песком, а тяжестей в кузне и так хватало.

Но этого Матвею было мало. Упросив отца, он отковал себе пять метательных ножей и на некоторое время заделался скорняком. Сшив под этот комплект портупею, парень повесил на стену сарая мишень и по паре часов в день тренировался с ними. Глядя на его тренировки, Григорий только головой качал, но спорить или как-то мешать не собирался. Более того, прежде чем начать обучение рубке, кузнец заставил сына крутить в руках два железных лома.

Для чего это было нужно, Матвей понял после первой же тренировки. Кисти рук, предплечья и плечи гудели от непривычных нагрузок. Но Матвей не сдавался. Ножи, ломы, рукопашка, всё это составляло каждый его день. Плюс к тому каждодневная работа с отцом в кузне.

Уже через месяц он и сам заметил изменения в собственном организме. Плечи раздались, руки окрепли, а живот покрылся кубиками пресса. Сказались разносторонние нагрузки и простая, но сытная пища. В очередной раз рассматривая себя в крошечном зеркале, парень довольно усмехался:

– Если так и дальше пойдёт, через год я этого местного вояку по стене размажу.

Он и сам не понимал, с чего вдруг его так зацепили слова Леонтия, но презрение, с которым тот отозвался о нём самом, парня просто взбесило. Это было обидно и больно. А значит, это надо было исправить. Чем парень и занялся со всем пылом души. Похоже, его организм, наконец, справился со всем случившимся и теперь старательно набирал форму. Единственное, что всё ещё парня беспокоило, так это голова. Приступы головокружения иногда всё ещё случались. Отчего и почему, Матвей понять так и не сумел, решив списать всё на последствия удара молнией.

И то сказать, пропустить через себя в одну секунду пару миллионов вольт, это не баранчихнул. После такого запросто можно и пеплом осыпаться. Или просто лапы склеить. Так что всё было вполне логично. Успокаивая себя такими мыслями, Матвей отрабатывал удары по мешку и раскручивал в руках тяжеленные ломы. Благо от обычной хозяйственной работы его почти полностью отодвинули. Да и не так много её было. Семья держала пару десятков кур, пяток гусей, столько же уток, буйволицу и десяток овец.

Всё остальное покупалось или принималось в оплату за работу от соседей. Единственное, от чего Григорий не стал отказываться, так это от земельного надела. Хлеб в доме всегда должен быть свой. Этими словами кузнец коротко, но ясно пояснил своё отношение к крестьянскому труду. Возражать Матвей и не подумал, вовремя вспомнив презрительную мину соседа. В общем, дела шли на лад, когда пришла беда, откуда не ждали.

Получив вожаемую булатную шашку, Леонтий словно взбесился. То и дело, едва заметив Матвея на улице, он тут же принимался подшучивать над ним. Не понимая, чего мужик добивается, Матвей сносил все издевки молча, делая вид, что всё это его не касается. Но в душе начала копиться злоба. Григорий, заметив его мрачное настроение, не стал ничего говорить, но на следующий день Матвей увидел Леонтия на улице с роскошным фингалом на пол-лица. Похоже, кузнец не просто так уходил со двора.

Понимая, что должен сам постоять за себя, парень несколько дней делал вид, что ничего не произошло, а когда Леонтий в очередной раз взялся за старое, одним прыжком перемахнул плетень и с ходу всадил кулак в подбородок обидчику. Вступать в долгие разговоры было не в его характере. Набитый кулак опытного кулачника разом отправил задиру в нокаут. Кузнец, видевший эту картину с порога кузни, только усмехнулся и одобрительно хлопнул сына по плечу.

Ожидавший очередной выволочки Матвей только удивлённо хмыкнул и встал к наковальне. Но на этом история не закончилась. Очевидно, снести побои от ушибленного инвалида, которым считал парня сам Леонтий, было для него слишком, так что через день на подворье кузнеца явились уже двое. Сам казак и его знаменитый сынок.

– Вот что, Григорий. Твой щенок мне надсы обиду учинил, так что не влезай. Учить его станем, – с ходу заявил Леонтий, вытягивая из-за голенища нагайку.

– Ты, сосед, белены объелся? – иронично поинтересовался Григорий, откладывая клещи и подхватывая из кучи железа металлический прут. – Может, ещё меня поучить вздумаешь?

– погоди, бать, – остановил его Матвей. – То моя печаль. Сам разберусь. А ты, – повернулся он к соседу, – не обессудь, коли потом придётся ещё и на доктора тратиться.

– Да ты, сопляк пришибленный, и вовсе сбесился! – вскинулся казак. – А ну, Мишка, тащи его сюда, – скомандовал он сыну.

Высокий, широкоплечий, что называется, косая сажень в плечах, молодой казачок усмехнулся и, засучивая рукава, решительно перешагнул порог кузни, чтобы тут же вылететь обратно спиной вперёд. Недолго думая, Матвей вышиб его прямым ударом ноги в грудь. Тренировки на заднем дворе до кровавой пелены в глазах не прошли даром. Скорость и силу ударов он почти восстановил.

* * *

– Ну, вы, соседи, совсем совесть потеряли, – укоризненно качал головой пожилой казак. – Это когда ж такое было, чтобы запросто так друг дружке рожи чистить?

– А кто сказал, что за просто так? – буркнул в ответ Матвей, потирая крепко ушибленные рёбра.

Эта драка далась ему непросто, но парень был доволен. Проверка показала, что это тело почти достигло прежних кондиций. Силы парню и прежде было не занимать, а вот боевых умений явно не хватало. Да, пластуны его кое-чему научили, но по сравнению с тем, чему учился сам Матвей, это было небо и земля. Ведь все приёмы рукопашного боя, известные в его прежней жизни, это выжимка из различных боевых искусств, которые были систематизированы в определённую схему.

Досталось, конечно, и самому парню, но в итоге опыт и знания одержали верх над голой силой. Михаил, отказавшись учить пластунские ухватки, лупил просто. Что называется, от плеча, со всей дури. Матвей же, отвечал короткими, резкими ударами по болевым точкам, заставляя противника шипеть от боли и раз за разом отступать. В какой-то момент, принимая размашистые удары парня на предплечья, Матвей заставлял его плясать вокруг себя, словно дрессированного медведя.

Глядя на эту картину, Григорий не удержался и, рассмеявшись в голос, презрительно фыркнул:

– Невелик воин получился.

Выдержать такой издёвки Леонтий не мог. Взревев пьяным медведем, казак взмахнул нагайкой и попытался огреть ею кузнеца. Но как оказалось, мастер тоже был не промах и вышел из кузни с прихваченным прутком. Едва заметив замах, он резко пригнулся и, пропустив удар над головой, хлестнул противника куском арматуры. Взыв от боли, Леонтий рухнул в пыль,

выронив нагайку. Григорий, не давая ему подняться, принялся охаживать противника прутом по спине.

Матвей, не отвлекаясь на подобные мелочи, в очередной раз ушёл от размашистого удара Мишки и, выпрямляясь, с размаху всадил кулак ему в подмышечную впадину. Задохнувшись, казачок согнулся, пытаясь глотнуть воздуха отбитым лёгким, и тут же получил сокрушительный удар в челюсть. Убедившись, что добавки не требуется, Матвей перевёл дух и, оглянувшись на отца, коротко поинтересовался:

– Ты как, батя?

– А чего мне сделается? – иронично хмыкнул кузнец. – Этот дурень никогда мне противником не был. Ленив больно.

– Выходит, вражда эта у вас давно идёт? – сообразил Матвей.

– Да ты ж не помнишь ничего, – хлопнул кузнец себя ладонью по лбу. – Да, ссориться мы ещё с тех времён стали, когда науке воинской учились. Он всё норовил хитростью вывернуться, а не получалось. В бою одной хитрости мало. Там ещё и умения нужны.

– А меня-то он чего цеплять начал? – не понял Матвей.

– Так ведь знает, что со мной ему не сладить, вот и решил за прежнее на тебе отыграться. Да не вышло. Мысль-то ему неплохая пришла с Мишкой тебя стравить, да только не подумал, что ты у пластунов науку проходил. А их ухватки – дело непростое. Вон, заставил его вкруг себя плясать, словно цыган медведя, – снова рассмеялся кузнец.

– Ништо, будут экзаменацию сдавать, ещё посмотрим, кто кого, – прохрипел Леонтий, даже не делая попытки подняться.

– Дурак ты, Леонтий, хоть дожил до седых волос, – не удержавшись, фыркнул Матвей. – Меня хоть молоньей и ударило, а всё одно я казак. Так что придёт время, сам всё увидишь.

– Верно, сын. Придёт время, всё само на место встанет, – кивнул мастер.

Соседи, сбежавшиеся на шум драки, вызвали старшин станицы, чтобы те разобрались со случившимся безобразием. И вот теперь, слушая короткий пересказ случившихся событий, только укоризненно головами качали. Всё произошедшее выбивалось из правил обычной жизни станицы. Как уже не раз говорилось, мастеров казаки берегли. И продиктовано это было жизненной необходимостью. Выслушав кузнеца, старшины велели толпе разойтись и, собравшись в кружок, принялись что-то негромко обсуждать.

– Матвей, подь сюды, – послышалось из круга, и Григорий, подобравшись, чуть подтолкнул парня в спину.

– Чего? – угрюмо поинтересовался парень, подойдя.

– Хочешь настоящей рубке научиться? – неожиданно спросил один из стариков.

– Верхом, как в лаве? – тут же подобрался Матвей.

– Верно, ей.

– Хочу. Очень.

– Добре. Завтра к Елизару на подворье поутру приходи. Он тебя учить станет. И рубке, и джигитовке. Лучше него этому делу никто не обучит.

– Даже отец? – не удержавшись, поинтересовался парень.

– Гриша в рубке неплох, но до настоящего мастера не дотягивает, – раздалось в ответ.

– Добре. Буду, – вздохнув, решительно кивнул Матвей.

Проводив старшин до тына, он вернулся в кузню и, увидев задумчивого отца, насторожился.

– Случилось чего, батя?

– Чего тебе старшины сказали?

– Обещали, что дядька Елизар меня рубке и джигитовке учить станет.

– Шутишь? – растерянно ахнул кузнец.

– Вот те крест. Истинная правда, батя, – ответил Матвей, широко перекрестившись.

– От то добре, – радостно усмехнулся мастер. – Он в этом деле лучший. Так что бросай баловство своё и учись. Учись, сын, так, как ничему прежде не учился. От науки той твоя жизнь зависеть может, сынок.

– Буду учиться, батя. А то, что я прежде делал, не баловство вовсе. Я потому и смог Мишку на кулачках побить, что прежде на мешке руки набил.

– Это выходит, тебя пластуны такому научили? – удивился кузнец.

– И они тоже, – напустил Матвей туману.

– Добре. Делай, как сам решишь, – неожиданно махнул кузнец рукой. – Но в кузне мне всё одно помощь твоя нужна будет. Теперь нам с тобой булат часто ковать придётся.

– А может, чтобы прежде как следует руку набить, станем кинжалы ковать? – подумав, предложил Матвей. – С ними и проще, и металлу меньше надо. Да и продать их легче будет. Не так дорого, как шашка, встанет.

– Подумаю, – кивнул мастер, задумчиво оглядывая свои запасы железа и стали. – На ярмарку ехать надо. Крицы закупать, – протянул он после недолгого молчания.

Подумав, Матвей вспомнил, что крицами прежде называли слитки всяких металлов. И что железо в этих местах почти не добывали. Все металлы в предгорьях Кавказа обычно были привозными. Подумав и прикинув кое-что к носу, парень решил предложить альтернативный вариант.

– Батя, а может, тебе в Юзовку съездить?

– Это где ж такое? – озадачился мастер.

– А это за Таганрог город ехать надо. Там и уголь добывают, и железо всякое. Хоть не близко, а всё одно в покупке дешевле станет, нежели на ярмарке у купцов брать.

– Долгий путь. Одному не осилить, – подумав, мотнул кузнец чубом.

– Так сговори кого из соседей, – быстро предложил Матвей. – Всё одно им у тебя всякое из железа заказывать, вот пусть и помогут. Взять три подводы, да железа с углём привезти. Нам надолго хватит.

– Думать надо, – вздохнул кузнец, понимая, что это неплохой вариант.

– Подумай. Но на заводе всегда дешевле, нежели у купцов. Ты это и сам знаешь. Одно дело – от мастера брать, и совсем другое – через третьи руки.

– Так-то оно так, да только дорога уж больно дальняя получится, – снова вздохнул мастер.

– Думаю, за месяц справишься. А я пока заместо тебя в кузне побуду. Может, ещё чего интересного придумаю, – намекнул Матвей. – Заодно узнаешь, нельзя ли там стволов оружейных купить.

– Это ещё зачем? – удивился Григорий.

– А мы тогда любое оружие чинить сможем. Сам знаешь, у казаков через один ствол нарезы изношены. А тут новенькие стволы. Знай, меняй. Всё дешевле, чем новую винтовку покупать.

– Хитёр, – одобрительно усмехнулся кузнец.

– К тому же из тех стволов и другое оружие огненного боя сделать можно будет. Самовзводное, – не унимался парень.

– Это как так? – тут же сделал кузнец стойку.

– Есть у меня придумки кое-какие, но для них пружины хорошие нужны. Не толстые и не особо длинные, но крепкие, – снова напустил Матвей туману.

– Пружины, – удивлённо протянул мастер. – Пружины – дело недешёвое. На них особая сталь идёт.

– Знаю. Потому и говорю, что нам не только сталь, но и сплавы всякие нужны. Мы с тобой, батя, много чего тогда сами делать сможем, – не отставал парень.

– Ты это, Матвей, не спеши, – помолчав, неожиданно ответил мастер. – Всему свой срок должен быть.

– Так я и не спешу, – пожал парень плечами.

Кивнув, мастер отошёл к верстаку и принялся задумчиво перекладывать куски железа и инструмент с места на место. Предложение Матвея его явно зацепило, но подобный поход организовать было не так просто. Да и денег на это требовалось немало. Сообразив, что в станице чаще всего практикуется меновая торговля, Матвей едва не застонал в голос. Станичникам было проще оплатить работу какими-то продуктами или иным товаром, чем платить деньгами. Хотя собранное зерно они продавали на ярмарках за наличные.

Понятно, что в любой казачьей семье имелаась своя кубышка на чёрный день, но тратили её очень осторожно. Запутавшись в собственных раскладах, Матвей неожиданно для себя понял, что так и не сумел толком вжиться в местное общество. Сначала долгая болезнь, потом усиленные тренировки для приведения себя в порядок, а после все силы были брошены на изготовление булатной стали. В общем, забот и без того хватало.

Отвесив себе мысленного пинка, парень принялся перебирать железный лом, предназначенный для переплавки. Григорий умел не только ковать различные вещи, но и иногда переплавлял металл. Плавкой чугуна он тоже владел, но делать это приходилось не часто. Чего мастер не умел делать совсем, так это не владел мастерством точного литья. Просто необходимости не было. Такие умения обычно нужны были мастерам колокольщикам.

Провозились они до самой темноты, но в кузне теперь царил образцовый порядок. Весь инструмент был разложен по местам, а весь металлический лом был собран в несколько стальных корзин. Вычистив под конец горн, Григорий устало вздохнул и, хлопнув сына по плечу, решительно заявил:

– Хватит, сын. Вечерять пошли. Да и отдохнуть надо. Тебе с утра новая забота будет. У Елизара учиться – дело непростое. Уж поверь.

– Учёба всегда дело непростое, – усмехнулся Матвей в ответ.

Утром, едва рассвело, он вошёл на подворье старого казака и, присев у крыльца на лавочку, принялся ждать. Ломиться в дом, пока хозяева ещё сами не вышли, было бы невежливо. Тем более в такую рань. Но не успел парень перевести дух, как дверь распахнулась и на крыльцо вышел сухой, жилистый казак среднего роста, с лихо закрученными усами и аккуратно подстриженной бородкой.

– Ага, пришёл, значит, – едва увидев парня, усмехнулся казак. – Добре. Гляжу, ничего с собой брать не стал.

– Так не знал толком, что для ученья потребно, потому и не стал ничего с собой нести. Всё одно тебе, дядька, прежде на меня как следует глянуть надо.

– А чего на тебя глядеть? – тихо рассмеялся казак. – Нешто я не знаю, кто ты таков и чем промышляешь? А ну, дай руку, – скомандовал он, протягивая ладонь словно для рукопожатия.

Уже понимая, что дальше будет, Матвей спокойно вложил свою ладонь в его руку и слегка сжал пальцы. Работа молотобойцем в кузнице развила предплечья парня так, что казак удивлённо вскинул брови, почувствовав его хватку.

– Добре. А сильнее можешь?

– Могу, да только боюсь, как бы руку тебе, дядька, не повредить.

– Смелый. Жми, не таись. Поглядим, чем ты там в кузне занимаешься, – снова усмехнулся казак, сжимая пальцы.

В ответ Матвей приложился от всей души, и Елизар растерянно охнул, когда его пальцы захрустели в хватке парня.

– Полегче, ирод! И вправду искалечишь, – прошипел он, выдёргивая руку.

– Прости, дядька, только я ведь не шутил, – пожал Матвей плечами.

– Бог простит, – отмахнулся казак. – Добре. Руки у тебя крепкие, значит, и шашку не выпустишь. А теперь, казачок, надобно тебе научиться её в руке держать правильно.

* * *

– Ногами, ногами играй! – покрикивал старый казак, попутно раскручивая длинный кнут.

Матвей и прежде слышал, что в старые времена были мастера кнутабои, способные одним ударом переломить лавку, но впервые увидел подобное собственными глазами. Как оказалось, кнут в деле обучения у казака был чем-то вроде указки. Он запросто мог им показать точку, в которую парень должен был нанести удар или перехватить на замахе руку с шашкой. Да и вообще, в руках Елизара это была универсальная штука.

Не удержавшись, Матвей попросил разрешения попробовать кнут самому и первым же движением едва не смахнул себе ухо. Выяснилось, что орудовать этой штукой совсем не так просто, как кажется внешне. Приходится учитывать кучу всяких параметров. От расстояния до цели, и до общего объёма окружающего пространства. Ну и движения самого кнута, естественно. Елизар, вдоволь посмеявшись над его попыткой, быстро объяснил, что подобным искусством овладеть не проще, чем той же рубкой в лаве. Потирая краснеющее ухо, Матвей кивнул и, вздохнув, вернул кнут хозяину.

А дальше началось то, что здесь называют обучением. К счастью для самого Матвея, уроки, полученные им от отца, пришлись очень даже в тему. Даже те упражнения с ломami. Вручив парню шашку из своих запасов, казак показал пару движений и принялся натаскивать на них Матвея, заставляя его повторять всё раз за разом. Отлично понимая, что подобные действия должны быть доведены до автоматизма, парень с головой ушёл в тренировку. Уже через час Елизар остановил его и, одобрителем кивнув, проворчал:

– Сразу видать, Гриша тебя не только молотом махать учил. Завтра приходи со своей шашкой и с конём. Посмотрим, как ты в седле.

Вот тут Матвей изрядно струхнул. Ведь в прежней жизни верхом ему доводилось ездить не часто. Да, основы он помнил, благо дед в своё время держал коня и к седлу внука приучил рано. Но одно дело – ехать по кругу рысью, и совсем другое – галопом, с шашкой в руке.

– Боюсь, дядька Елизар, в седле мне тяжко придётся, – подумав, осторожно высказался парень.

– Чего бы? – удивился казак.

– Так после того удара я ж забыл всё. Имя своё и то с грехом пополам вспомнил, – тут же подпустил парень сиротской слезы.

– Ага, от оно, значит, как, – озадачился казак. – Ну, делать неча. Слово дадено. Да ты не журишь. Бог не выдаст, свинья не съест. Приезжай верхом, а там видно будет. Надо станет, научу и в седле сидеть, и джигитовать, как положено.

– Благодарствую, дядька Елизар, – вежливо склонил голову Матвей. – Буду.

– Конечно, будешь. Сам сказал, что учиться хочешь. За язык никто не тянул, – рассмеялся тот.

Усмехнувшись в ответ, Матвей ещё раз поклонился и, попрощавшись, поспешил домой. Умывшись у бочки, он устало перевёл дух и, пройдя в дом, быстро сменил одежду. Для тренировки Настасья выдала ему старую одежду отца. Для работы была другая, но и её уже пора было менять. Маловата стала. Войдя в кузню, парень поздоровался с отцом и, подхватив кувалду, встал к наковальне. Григорий как раз правил крепко погнутый лемех от плуга, так что помощь ему была не лишней.

Закончив работу, кузнец аккуратно повесил готовый заказ на гвоздик и, напившись, негромко спросил:

– Как у Елизара прошло?

– Да вроде добре. Велел завтра с шашкой и конём быть, – коротко ответил парень.

– С конём то добре, – одобрительно кивнул кузнец. – Выходит, основа у тебя крепкая. Видать, не всё забыл, чему учился.

– Скорее, тело помнит. А вот в башке – как в старой бочке. Только тени да пыль какая-то, – на всякий случай пожаловался Матвей.

– Да уж, беда, – вздохнул Григорий. – Тут вот ещё что, сын. Я три года тому назад сговорил тебя на дочке Андрея-урядника женить, как в возраст войдёте. Да только отказались они. Точнее, дочка его знать тебя не желает. Говорит, не хочет с палёным жить, – грустно улыбнулся мастер, глядя на сына с нескрываемой жалостью.

– Да и хрен с ней, – помолчав, решительно отрубил Матвей. – Коли дура, так и ну её. Обойдусь.

– Так ты, выходит, и её забыл? – моментально сообразил казак.

– А что? Разве промеж нас было чего? – насторожился парень.

– Так сам мне гуторил, что любя она тебе, – развёл кузнец руками. – Что с ней жить хочешь.

– Может, оно и было, да только сам знаешь, батя. Смерть, она крепко ума прибавляет. Особенно ежели рядышком пройдёт. Вот, похоже, и мне прибавила, – принялся выкручиваться Матвей.

– Это верно, – задумчиво кивнул мастер. – Добре. Тогда я Андрею так и скажу, что ты, мол, зла не держишь и от сговора отказаться готов.

– А ему-то что за печаль? – не понял Матвей.

– Не дури, – укоризненно фыркнул Григорий. – Слово казацкое дадено было, а потому это обида роду нашему получается.

– Да бог с ним. Какие тут теперь обиды. Кто ж знал, что оно вот так всё будет, – развёл Матвей руками. – К тому же, может, оно так и лучше. Помнишь, как в Писании сказано? В горе и радости, богатстве и бедности. А тут, едва беда случилась, и всё. Сразу на попятный пошла.

– Так вы ж не венчаны, – растерялся кузнец.

– И что? Всё одно, сговор-то был, – не уступил Матвей. – Вот и выходит, что не люб я ей был. Так, баловство одно. Перед подружками покрасоваться. Вот я, какая краля, с самой юности сговорена.

– Добре рассудил, казачок, – раздался голос, и в кузню вошёл Макар Лукич.

Не спеша огладив бороду и расправив усы, он окинул парня внимательным, заинтересованным взглядом и, повернувшись к кузнецу, добавил: – Верно он всё сказал, Гриша. Сговор был, значит, и должна себя девка вести так, чтобы ни у одной шавки язык не повернулся на неё хулу возвести. Потому как то роду новому казацкому урон чести будет. Ну да ладно. То теперь Андрея забота. Виру-то требовать станешь? – вдруг повернулся он к Матвею.

– За что виру? – не понял тот.

– А как иначе? – вскинул казак кустистые брови. – Андрей из-за свиристелки этой сговор порушил, от слова своего отступить вынужден был. Ему и платить.

– А какая тут вира может быть? – насторожился Матвей.

– А какую назначишь, такая и будет, – лукаво усмехнулся казак.

– Бать, ты что насчёт поездки в Юзовку надумал? – повернулся парень к кузнецу.

– Вон ты чего удумал, – понимающе кивнул мастер. – Хочешь, чтобы он со мной в караван встал.

– Что за караван? – тут же подобрался один из старшин станицы.

Подобные вещи ему, как одному из главных заправил в поселении, нужно было знать в первую голову.

– Да вот, думаем, как бы железа да стали побольше да подешевле купить, – вздохнул Григорий. – На ярмарке по той же цене у купцов вдвое меньше возьму. Да перевоз больно долг. Это ж ажно за Таганрог, через калмыцкие степи идти надо. А там всякое может быть.

– За железом, стало быть, – задумался казак.

– И угля там для плавки купить тоже можно, – осторожно добавил Матвей.

– Уголь – то добре, – всё так же задумчиво кивнул Лукич. – А железо всякое нам и вправду нужно. Вот что, казаки. Завтра круг соберу, да сам им всё обскажу. Подумаем, как дело это сладить. Ты, Гриша, не спеши отказываться. Матвейка твой верное дело замыслил. Сам говорил давеча, что для булата у тебя стали нужной нет почти. А оружие такое казакам очень даже нужно. Сам знаешь, у нас что ни год, то набег ногайский, а то и вовсе заматня какая в горах.

– Потому и ломаю голову, как это дело получше сладить, – понимающе кивнул кузнец. – Но ведь это мне почитай на месяц из дому уйти. А ежели у станичников дело какое по моей части будет?

– Так у тебя на этот случай, вон, сын останется, – кивнул на Матвея старшина, едва заметно усмехаясь. – Уж инструмент какой поправить, это он и сам управится. Да и оружием, похоже, не оплошает.

– Покоен будь, батя. Всё как надо сделаю, – решительно кивнул Матвей, почувствовав поддержку своей идее.

– Иль ты, Гриша, опаску имеешь, что учил его плохо? – поддел кузнеца казак.

– Учён-то он добре, да только с памятью у него после того случая беда, – нехотя признался мастер.

– Нешто. Управится. А коль чего не так сделает, так после сам исправишь, – тут же нашёлся казак. – И не спорь, Гриша. Вот коль завтра круг решит, что ехать тебе надо, то и поедешь. А с остальным сами управимся. Я присмотрю, – неожиданно пообещал Лукич.

– Добре, дядька, – махнув рукой, сдался кузнец. – Как круг скажет, так тому и быть.

– От и слава богу, – усмехнулся старшина. – А ты, Матвейка, не журись. Коль не сложилось с Андрея дочкой, так с другой сложится. И помни, казачок, с лица воду не пить.

– А я с этим делом теперь и не спешу, Макар Лукич, – усмехнулся парень в ответ. – И без того забот хватает. Вон, с одним только булатом теперь дел будет столько, что забегаешься. А по весне ещё и в полевые лагеря ехать. А там и до экзаменации недалече будет. В реестр писаться надобно. Я ведь хоть и мастеровой, а всё одно казак.

– Ну, может, оно и верно, – подумав, кивнул Лукич. – Гриш, я чего пришёл-то. Мне б коня перековать.

– Так приводи, сделаю, – развёл мастер руками. – Подковы у меня готовые имеются, так что быстро управимся.

– Добре. Завтра, опосля заутрени буду, – кивнул казак и, попрощавшись, вышел.

– От ведь удумал ты мне доуку, – вздохнул кузнец, растрепав пальцами чуб. – Цельный месяц почитай в пути.

– Зато после долго с железом всяким будем. Глядишь, к ярмарке с пяток кинжалов булатных откуём и деньгой разживёмся, – нашёлся Матвей.

– От ведь выюн, – рассмеялся Григорий. – Добре, посмотрим, что круг казачий скажет.

– Сами тебя из станицы в дорогу выпихнут, – не сумел промолчать парень.

– Чего бы? – не понял мастер.

– Так дядька Макар тебе уж сказал всё. Оружие булатное казакам всегда нужно. В бою-то оно понадежнее иного будет. Сам про то лучше меня знаешь.

– Тебя вроде молоньей стукнуло, а гуторить ты стал так, словно университет городской закончил, – проворчал кузнец, удивлённо рассматривая собственного сына.

– Привыкай, батя. За мной теперь много всякого странного будет, – вздохнул Матвей, разводя руками.

– Это с чего? Неужто опосля болячки той?

– Угу. Сам видел. Я про булат сам не знаю, откуда узнал. И теперь сны всякие вижу. Да только неприятные те сны. Страшные, – еле слышно признался парень, пытаясь хоть как-то оправдать свои знания и несурзости.

– Сны, значит, – так же тихо протянул Григорий. – А про что хоть сны-то?

– Война будет, батя. На востоке. Далеко. У самого океана. С Японией какой-то воевать станем.

– Когда? – моментально подобрался казак.

– Года через полтора-два, точнее не скажу, – снова вздохнул Матвей.

– И как?

– Плохо, батя. Проиграет Россия. Всякие иные державы всё делать станут, чтобы мы победить не смогли. Да ещё и генералы наши толком командовать не смогут.

– Хреново, – помолчав, неожиданно высказался казак.

Это был первый раз, когда кузнец позволил себе бранное слово. Впрочем, Матвей его прекрасно понимал. Кивнув, он тяжело вздохнул в который уже раз и, махнув рукой, добавил:

– Я потому и хочу хоть как станичников наших вооружить оружием добрым, чтобы в станице вдов поменьше стало. Да только не знал, как тебе объяснить это всё.

– Понял я тебя, Матвей. Ты в следующий раз, как чего увидишь, не молчи. Сразу мне рассказывай.

– Неужто поверишь?

– Поверю, – помолчав, решительно кивнул казак. – Не для того тебя Господь уберёт, чтобы ты глупость какую болтал. Видать, через сны твои он нам знать даёт, что делать надобно.

– Ну, может, оно и так, – растерянно проворчал парень, не ожидавший такого далеко идущего вывода от этого молчаливого, сурового казака.

* * *

Высокий каурый мерин шёл ровной, размашистой рысью, негромко всхрапывая, когда Матвей срубал очередную лозу, на которую была надета старая папаха. По выражению старого Елизара, начинать надо с малого. Так что рубить лозу на полном скаку парню предстояло ещё не скоро. Прежде нужно было научиться работать оружием так, чтобы не представлять опасности для самого себя. Первая попытка Матвея взмахнуть шашкой едва не стоила мерину ушей. Пользоваться шашкой, как оказалось, стоя на земле, он умел неплохо, а вот в седле сразу не получилось. Приходилось учитывать то, чего в пешем порядке не было.

Благо его тело очень быстро вспомнило правильную посадку в седле и позора удалось избежать. Недаром в своё время дед дрессировал его при помощи ивовой хворостины. Те уроки даром не прошли. То и дело покрикивая на ученика, Елизар продолжал размахивать кнутом, иногда щёлкая им над самой головой мерина. Но обученная животиная только прядала ушами и всхрапывала, не сбиваясь с шага.

Для чего это делалось, Матвей понял сразу. Щелчок кнута мало чем отличался от выстрела, так что им обоим предстояло привыкнуть к стрельбе в самые неожиданные моменты. Что называется, тренировки проводились в условиях, близких к боевым.

Доскакав до конца ряда, Матвей чуть подтянул повод и направил коня по плавной дуге к учителю. Елизар, одним ловким движением свернув кнут, одобрительно усмехнулся.

– Добре сделано. Все лозы срубил. Передохни малость и новые ставь.

– Дядька Елизар, сделай милость, покажи, как правильно кнутом играть, – решившись, попросил Матвей, спрыгивая с коня.

– Да ты никак решил всю науку воинскую собрать, – рассмеялся казак.

– Ну, что когда пригодится, одному богу известно. Так пусть уж лучше я буду знать, да не пользоваться, чем понадобится, а не умею, – нашёлся парень.

– Тоже верно. Ладно, держи, – чуть подумав, протянул Елизар ему кнут. – За кнутовище бери, у самого конца. И помни, кнут, он гибкий. Это тебе не шашка. Глаз у тебя верный, умеешь в нужное место бить. Так что прежде в руке им поиграй, почувствуй, какой он длины и как он в воздухе гнётся. А как почувешь, вон, по лозе ударь. Побачим, что у тебя выйдет.

Отступив подальше, Матвей принялся плавно раскручивать кнут, пытаясь уловить его реакцию на движения рукой. Вспомнив, как в юности учился работать нунчаками, парень едва заметно усмехнулся. Шишек он тогда набил себе немало, но пользоваться этим экзотическим оружием научился. Вот и теперь, вспомнив, как учился улавливать траекторию движения палок, он вдруг поймал кураж и резко взмахнул рукой.

Щелчок прозвучал словно выстрел. Получилось не хуже, чем у самого Елизара. Кончик кнута хлестнул по воткнутой в землю лозе, и папаха упала в пыль.

– Ай, молодца, – радостно воскликнул казак. – Глядишь, так ты у меня ещё и кнутобоем станешь.

– А я и не против, дядька. Сказал уж, мне теперь любая наука на пользу, – улыбнулся Матвей в ответ, радуясь очередной победе над собственной болячкой.

– Хочешь, значит, учиться? – прямо спросил казак, разом оборвав смех.

– Хочу.

– Добре. Есть у меня другой кнут. Принесу завтра. Но уж не обессудь, тут всё с самого начала учить придётся.

– Значит, буду учиться.

– Ко второй лозе ступай. Теперь сруби её так, чтобы папаха на остатке висеть осталась.

Уже уловив принцип, Матвей сместился на десять шагов и снова раскрутил кнут. Вспоминая, что он делал в прошлый раз, парень понял, что теперь удар надо нанести ещё резче. Сделав глубокий вздох, Матвей чуть задержал дыхание и стремительно взмахнул рукой. В этот раз щелчок получился ещё звонче, обрубок лозы не откинуло в сторону, а просто сместило. Висевшая на лозе папаха упала на оставшийся обрубок.

– Да ты гвоздь, паря, – удивлённо хмыкнул Елизар. – Ну, коли сумеешь и в третий раз лозу срубить, быть тебе кнутобоем знатным.

Не отвечая, Матвей сместился к следующей мишени и, уже полностью уловив весь порядок действий, нанёс удар после третьего круга. И на этот раз снова всё получилось. Чувствуя растущую в душе радость, парень, не дожидаясь команды, снова сместился и ещё раз перерубил лозу. Добравшись до самого конца ряда, он аккуратно свернул кнут и, вернувшись к казаку, спросил, протягивая ему оружие:

– Выходит, получится у меня?

– Да уж, удивил ты меня, паря, – задумчиво проворчал Елизар, забирая у него кнут. – И мастеровой добрый, и вой не из последних. Редко так бывает. Щедро тебе Господь таланту отмерил. Что ж. Слово дадено. Буду тебя учить.

– Благодарствую, дядька Елизар, – поклонился Матвей.

Эту манеру кланяться старшим в определённых случаях жизни он воспринимал с большим трудом. Но дело сдвинулось с мёртвой точки, когда парень вспомнил правила поведения в додзё. В тех поклонах не было ничего унижительного. Поклон залу, тренеру или противнику означает, что ты относишься к нему с уважением и обещаешь вести схватку по всем правилам. В общем, Матвей в очередной раз нашёл для себя подходящую аналогию и теперь действовал без всякого внутреннего сопротивления. Что называется, притерпелся.

– Ставь лозу, – кивнув, скомандовал казак. – Кнут – штука добрая, но шашка тебе нужнее.

Понимая, что опытный ветеран прав, Матвей быстро сменил мишени и, убедившись, что расстояние между лозами не изменилось, направился к коню.

– Теперь коня веди галопом. Только не разгоняй шибко. Коротким скоком иди, – усложнил Елизар задачу. – В полный мах после пустишь, как научишься расстояние правильно видеть.

Кивнув, парень вскочил в седло и направил мерина к точке старта. Обнажив шашку, он несколько раз глубоко вздохнул и, привстав в стременах, гортанно выдохнул:

– Ха-а!

Всхрапнув, мерин взял с места коротким галопом, и в ту же секунду над его головой раздался щелчок кнута. Тряхнув головой, умное животное фыркнуло и, не сбиваясь с шага, само пошло вдоль мишеней. Сбился Матвей только на последней лозе. Не хватило времени для замаха. Не дожидаясь команды, он вернул коня на исходную точку и, не останавливаясь, начал всё сначала. Елизар, внимательно наблюдая за ним, одобрительно усмехнулся.

Всё это время его кнут продолжал посвистывать в воздухе, выписывая круги и восьмёрки. С этой штукой казак и вправду обращался мастерски. К удивлению Матвея, вращал он кнут так, словно тот ничего не весил. Припомнив, что в Японии мастера примерно так же обращаются с длинной шипастой булавой, парень сообразил, что тут всю используется сила инерции. То есть кнутом можно так играть очень долго, главное, вовремя уловить момент, когда ты можешь нанести нужный удар.

В очередной раз подивившись такому количеству аналогий из своей прежней жизни, Матвей сосредоточился на рубке. Раз за разом шашка с лёгким посвистом срубала лозу, а папахи оставались висеть на оставшихся черенках. Закончив упражнение, Матвей в очередной раз подъехал к казаку, и тот, махнув рукой, командовал:

– Будя на сегодня. Добре всё у тебя выходит. Завтра продолжим.

– Благодарствуй за науку, дядька Елизар, – склонил Матвей голову.

– Езжай уж. Григорий, небось, уж заждался.

Усмехнувшись в ответ, парень дал коню шенкелей и направил его в станицу. Тренировки проводились за околицей, в стороне от пашни, на выкошенном лугу. Так что до дому Матвей добрался минут за пятнадцать. Уже у своего подворья он разогнал коня и, пригнувшись к шее, снова сжал коленями его бока. Прибавив шагу, мерин спокойно пошёл на препятствие, перемахнув плетень с большим запасом.

Вышедший из кузни Григорий, увидев это, только одобрительно усмехнулся, тогда как Настасья, возвращаясь с огорода, тут же высказала парню своё фи. Поставив корзину с овощами на землю, она уперла кулаки в бёдра и принялась высказывать парню всё, что она о нём думает. Спрыгнув на землю, Матвей принялся вываживать коня, попутно шутливо отбрехиваясь от матери. Слушая их лёгкую перепалку, кузнец только усмехался в усы, отлично понимая, что парень таким образом выпускал пар после тяжёлой тренировки.

– Уймись, мать, – проворчал он, подходя к мерину. – Не стоптал никого, и ладно. Да и некого тут топтать. Хозяйство у тебя доброе и животное просто так по подворью не шляется.

Настасья польщенно улыбнулась, услышав завуалированный комплимент. По сути, это и вправду была похвала ей как хозяйке. Разом смолкнув, она подхватила свою корзину, с которой возвращалась с огорода, и быстро скрылась в хате.

– А ты думай, что творишь, – вдруг повернулся Григорий к сыну. – Не отрок, чай, чтобы без ума баловство чинить.

– Бать, то не баловство, то проверка была, – тут же нашёлся Матвей.

– А чего проверял-то? – не понял кузнец.

– Себя, бать.

– Это как так?

– Да я ж толком про себя ничего не помню, вот и проверяю, что умел, что помню, а что наново учить надо, – снова выкрутился парень.

– Ясно. Но ты всё одно, полегче. И главное, чтобы мать не видела. Она после той истории едва в себя пришла. Думал, с горя ума лишится. Вот и ругается, когда такое видит.

– Я понял, бать. Постараюсь, – кивнул парень, покаянно вздохнув. – Заказы в кузне есть? – на всякий случай сменил он тему, снимая с коня седло.

– Да я уж сделал всё, – отмахнулся мастер.

– А с поездкой что решили? – задал Матвей следующий вопрос.

– Круг решил караван собирать, – чуть скривился Григорий. – Впятером поедem. Деньгу собирать нужно.

– Как это собирать? – не понял Матвей.

– Да кое-что соседям одалживал. Теперь вот собирать придётся, – вздохнул Григорий.

Судя по его физиономии, эта часть грядущей негоции его весьма напрягала. Что именно с этими долгами было не так, парень решил выяснить сразу. Отерев коня и заведя его в конюшню, Матвей вымыл руки и, вернувшись к отцу, осторожно уточнил:

– А что не так-то? Ну, брали люди для дела, пора и честь знать. Как говорится, долг платежом красен.

– Да тут такое дело, – снова скривился кузнец. – Я ведь не только казакам денег одалживал. Тут ещё и пара вдов есть. Вот теперь и думаю, что им сказать.

– А много отдавал? – задумался парень.

– Дарье – два рубля, а Любке – рубль. Деньги вроде не особо большие, но и они пригодиться могут, – вздохнул Григорий.

– Оставь, бать, – помолчав, махнул Матвей рукой. – С вдов требовать – только хозяйство им рушить. Смогут когда вернуть, и слава богу. А нет, так и ладно. Переживём.

– Да я, признаться, и не рассчитывал, – неожиданно признался мастер.

– А чего тогда вообще о том речь завёл? – удивился Матвей.

– Я уеду, тебе за меня оставаться. В кузне сам управляться станешь. Вот и учти, что я с вдов денег никогда не брал. Чего сами принесуи, то и ладно.

– А чего они обычно приносят? – озадачился парень.

– А что баба вдовая принести может? – грустно усмехнулся Григорий. – Что с огорода соберёт, да иной раз сала шматочек.

– Понял, бать. Так и будет, – решительно кивнул парень, давая ему понять, что ничего менять своей волей не собирается.

– Добрый казак вырос, – проворчал кузнец, хлопнув его по плечу.

Они перешли в кузню, и парень, окинув мастерскую долгим, внимательным взглядом, задумчиво проворчал:

– Станков бы нам разных.

– Это каких же? – тут же отреагировал кузнец.

– Токарный, тот, которым дырки сверлят, да точило крепкое с разными камнями.

– Да где ж их взять?

– Самим делать надо, бать. Я нарисую.

– А крутить их как станешь?

– Можно просто ногой, от педали. А можно паровую машину малую поставить.

– Слышал я про них, – помолчав, кивнул Григорий. – А вот откуда тебе про то известно?

– Оттуда же, откуда и про булат узнал, – тихо буркнул Матвей, выразительно постучав себя пальцем по виску.

– Думаешь, получится собрать? – оживился кузнец.

– Ты бронзу лить умеешь? – вместо ответа спросил парень.

В их условиях это был самый доступный и самый пластичный из сплавов, который можно было бы использовать в подобном механизме.

– Ну, ежели чего не особо сложное, – смутился мастер.

- Не особо, – решительно кивнул Матвей. – И меди тонкой лист нужен будет. Для труб.
- Рисуи, – подумав, решительно кивнул Григорий.

* * *

Караван из восьми дрог не торопясь уходил в степь. Глядя вслед ему, Матвей мысленно прикидывал, всё ли успел перечислить отцу для будущей работы. Задумок у него было много, и на всё это требовался материал. Заодно не забыл парень напомнить и про измерительный инструмент. Даже решился попросить приобрести готовальню. Это была одна из главных бед местного времени. Матвей об этом помнил из книг и институтских лекций.

В своё время британцы сумели навязать России свою систему измерений, но долго она не продержалась. Более того, началась дикая путаница. Очень скоро все принялись измерять всё фунтами, осьмушками, пядями и аршинами. В итоге даже резьбы мастера нарезали как бог на душу положит. И раз уж так сложилось, что караван из станицы отправился в один из индустриальных центров страны, значит, нужно было сделать всё, чтобы привести хотя бы свои способы измерения к единому знаменателю.

Пробежавшись мысленно по списку, парень не удержался и, вздохнув, мрачно скривился. Кое-что он всё-таки забыл. Не сказал отцу, чтобы тот уточнил, делают ли уже на заводах подшипники. Готовя к дороге их старые дроги, Матвей быстро пришёл к выводу, что колёса, насаженные на ось и смазанные дёгтем, совсем не то, что способно облегчить вращение и увеличить скорость передвижения. Заодно мелькнула мысль, пока есть свободное время, сделать новый транспорт. Но уже по своим правилам.

Провожавшие уехавших зашевелились и, негромко гомоня, начали расходиться. Тронув мать за плечо, Матвей собрался возвращаться домой, когда из группы молодёжи раздался возмущённый девичий голос:

– Да на кой он мне теперь нужен, рожа палёная! Подумаешь, железку новую сделал. А дети какие от него будут, не думала?

Сообразив, что разговор идёт именно о нём, Матвей сделал вид, что ничего не слышит, и, развернувшись, следом за матерью зашагал к дому. Настасья, услышав эти слова, вспыхнула, словно канистра бензина, стоявшая на солнце, и, развернувшись, громко ответила:

– Да кому ты нужна, колода! У самой ни кожи, ни рожи, а всё королевну из себя корчит.

– Уймись, мать. Пусть лаётся, – попытался удержать Матвей казачку. – Мне с её лая ни холодно, ни жарко. Придёт время, получше невесту найду. Да ещё и умную. Уж поверь, для доброго потомства ум гораздо нужнее. А с лица воду не пить.

– Да за него даже Катька порченная не пойдёт, – раздалось им вслед.

– Что ещё за Катька? – не понял Матвей.

– Забыл? – участливо вздохнула Настасья. – В прошлом годе ногойцы налетели. Похватили девок, что у реки гусей пасли, коров полстада отбили и в степь подались. Казаки вдогон пошли, да на привале их и порубили всех. Да только успели они всех схваченных девок спортичь. Вот теперь и маются. Вроде и не виновны ни в чём, а во вдовьих платках ходят. А Катерина из тех девок самая пригожая. Тоненькая, словно хворостинка, и лицом славная. Да только не дал ей Господь удачи.

– Не родись красивой, а родись счастливой, – понимающе кивнул Матвей. – Ну да это теперь не наше дело. Мам, а кто у нас в станице лесом занимается. Мне доска нужна и пара брусьев покрепче.

– Ты чего задумал опять? – моментально насторожилась Настасья.

– Есть одна мысля, да только прежде надо материал подходящий собрать.

– Это тебе к Никандру-плотнику надо. В станице кому чего из дерева потребно, завсегда к нему идёт. Да только, боюсь, дорого тебе те доски встанут.

– Разберусь, – помолчав, решительно высказался Матвей. – А где его искать-то?

– А по нашей улице, по левую руку пятая хата будет. Там ещё сарай, словно теремок сказочный, не ошибёшься, – усмехнулась Настасья.

– Тогда ты, мать, домой ступай, а я до Никандра схожу, – решил ковать железо Матвей.

– Да чего тебе вдруг приспичило? – возмутилась женщина.

– А чего зря время терять? Поговорю, узнаю, может, у него и доски мне нужной нет. Тогда придётся чего другое думать. Так чего тянуть?

– Ну, тоже верно, – озадаченно протянула Настасья.

Оставив её у ворот своего подворья, парень прибавил шагу и через несколько минут вежливо окликнул, переступая через тын:

– Дядька Никандр, ты дома ли?

– Сюда ступай, – слышалось из сарая.

Оглядывая это произведение плотницкого искусства, Матвей только удивлённо хмыкнул. Похоже, плотник и вправду был настоящим мастером работы по дереву. И ворота саманного сарая, и окна хаты, и даже дверь были украшены резными наличниками с роскошной резьбой. С интересом осмотрев эту роскошь, Матвей шагнул в сарай и, коротко склонив голову, произнёс:

– Здрав будь, дядька Никандр. По делу я к тебе.

– И тебе здоровья, Матвейка. Случилось чего или сломалось что? – степенно отозвался мастер.

– Спросить хочу. Пару брусьев дубовых да доски покрепче, примерно как на дроги, у тебя найдётся?

– Найдётся, чего ж не найтись. А брус толстый нужен?

– Ну, примерно вот такой на сторону, – показал парень пальцами примерно десять сантиметров.

– Такой есть. И доска буковая имеется. Лёгкая и крепкая. Не враз и разрежешь.

– И почём отдашь?

– Инструмент бы мне поправить надобно, да на колёса тележные обода новые поставить, – подумав, назвал плотник цену.

– Добре. Пригоняй телегу, – решительно кивнул Матвей.

Работа была не сложная и много времени не займёт. Кивнув, казак жестом позвал парня за собой и, пройдя в дальний конец сарая, ткнул пальцем:

– Вот тебе брус, а вот доска. Инструмент когда возьмёшь?

– Давай так, дядька. Ты сейчас весь инструмент собери, а завтра, как телегу перегонять станешь, на неё всё дерево и погрузи.

– Добре. После полудня буду, – прикинув кое-что к носу, кивнул казак.

Вернувшись к своему верстаку, он быстро собрал весь инструмент, требовавший правки, в одну крепкую корзину и, протягивая её парню, добавил:

– Заточи как след. А то начал дерево рвать. А он резать должен.

– Сделаю, дядька. Покоен будь. Ты только кусок деревяшки какой не нужной покрепче мне дай, чтобы на чём попробовать было. После сам же и заберёшь с инструментом.

– Ага, вот, держи, – чуть подумав, ответил мастер, доставая с полки обрезок дубовой доски.

Сунув обрезок в корзину, Матвей коротко поклонился и, развернувшись, отправился в кузню. Привести в порядок несколько стамесок, рубанок и пару тёсел было делом нехитрым. Уже в кузнице как следует рассмотрев инструмент, парень задумчиво хмыкнул и принялся разводить огонь в горне. Весь инструмент был кованым, но его не мешало слегка подкалить. Засыпав в горн остатки каменного угля, он принялся качать меха, чтобы нагнать температуру.

Подхватывая клещами каждый инструмент, он нагревал его до ярко-красного свечения и плавно опускал в ведро с льняным маслом. Закончив, парень взялся за заточку. Одно тесло пришлось слегка подравнять, чтобы задать лезвию нужный угол. Закончил он уже в темноте. Всё полученное от плотника железо резало дубовую доску, словно масло. Убедившись, что всё сделано на совесть, Матвей погасил горн и отправился ужинать.

Утром, наведя на инструмент окончательный лоск, парень занялся отковкой ободов. Разогрев металлический прут, он быстро превратил его в железную полосу и начал пробивать отверстия под гвозди. Так повторилось четыре раза. К тому моменту, когда Никандр загнал во двор телегу, все подготовительные работы уже были закончены. Показав, куда ставить транспорт, Матвей вынес из кузни уже готовый инструмент и, кивая на корзину головой, предложил:

– Испробуй сам, дядька. Коль чего не так, я сразу и поправлю.

Кивнув, плотник достал всё тот же многострадальный обрезок доски и, вдумчиво опробовав на нём весь инструмент, удивлённо проворчал:

– Добре тебя батька выучил, Матвейка. Стамески и новыми так не резали. Хорошая работа. Спаси Христос.

– Благодарствую, дядька Никандр, – поклонился парень. – За телегой завтра зайдёшь. Готово будет.

– Не к спеху, – отмахнулся плотник. – Как сделаешь, так и ладно.

– Ну, сам смотри, – не стал спорить парень.

– Неужто и вправду за день управишься? – не поверил казак.

– Так дело-то нехитрое, да и привычное, – пожал Матвей плечами.

– Добре. Завтра зайдёшь, – кивнул Никандр, направляясь к тыну.

Проводив его взглядом, Матвей взялся за дело. Подставив под телегу толстое полено, он жердью приподнял её заднюю часть и, ногой подвинув ещё одну деревяшку, принялся снимать колёса. Отмерив полосу железа прямо по месту, он отрубил нужный кусок и, быстро склепав обод, принялся нагревать его. Потом, перекинув клещами обод на колесо, он быстро набил его на место и, закрепив гвоздями, повторил процесс.

Через два часа, сняв уже передние колёса, Матвей сделал короткий перерыв, воды попить и слегка остыть от жара. Заглянувшая с кузню Настасья, с интересом оглядев его работу, удивлённо проворчала:

– И вправду мастером стал. У батьки и то дольше выходит. Это что же, ты ту доску на свою работу сменял?

– Угу.

– И зачем она тебе?

– Дроги новые сделать хочу. Наши старые совсем. Того и гляди развалятся. Да и колёса там на одну дорогу.

– Это что же, ты теперь у нас и за кузнеца, и за плотника будешь, – поддела его Настасья, лукаво прищурившись.

– Надо будет, и тебя на кухне заменю, – не подумав, брякнул Матвей, снова прикладываясь к ковшу с водой.

– Что, и обед сам сготовишь? – не поверила женщина.

– Случись нужда, сготовлю, – кивнул Матвей, мысленно обозвав себя ишаком.

Удивлённо хмыкнув, Настасья окинула сына задумчивым взглядом и, выходя, уточнила:

– Опять до самой ночи возиться будешь?

– Приду, как закончу, – туманно отозвался Матвей, быстро сбивая с колеса старый обод.

Ещё пара часов уже привычной работы, и телега плотника обзавелась почти новыми колёсами. Ставя их на место, парень не забыл смазать ступицы дёгтем. Как говорится, марку мастера нужно было держать. Убедившись, что обода насажены ровно и колёса на телеге вращаются без особого усилия, он навёл в кузне порядок и отправился в дом.

Утро началось с того, что Матвей взялся месить глину. Ему нужны были хоть какие-то подшипники. Вылепив основы под гильзы, парень сунул их в горн для просушки и взялся обрабатывать дубовые бруски. С задней осью особых проблем не было. Тут нужно было только обточить концы для посадки подшипника. А вот с поворотным механизмом ему пришлось повозиться. Для большего угла поворота и большей надёжности он решил использовать шкворневой способ.

Помня, что дерево плохо работает на смятие, парень оббил концы осевого бруска железом и, просверлив сквозные вертикальные отверстия, занялся поворотными кулаками. Выбрав из хлама несколько подходящих кусков, снова взялся за глину. Ему предстояло отлить поворотные кулаки. Сунув форму в горн, Матвей перевёл дух и осторожно вытянул из него поддон с формами под подшипники. Готовые формы от температуры едва не раскалились.

Помня, что резкий перепад температур для глины может быть губителен, он поставил поддон у самого жерла, так, чтобы формы остывали постепенно. Сообразив, что на данном этапе заняться ему больше нечем, парень отправился в конюшню. Нужно было проверить, всё ли у коней в достатке и, если придётся, почистить стойла. Тренировок он не бросал, но Елизар, убедившись, что навыки у парня появились серьёзные, отпустил его в свободное плавание. Теперь он занимался сам, когда выдавалось свободное время.

Закончив с конюшней, Матвей прихватил из дому кнут и, уйдя на задний двор, принялся тренироваться. Как оказалось, навык работы с этим оружием серьёзно помогал орудовать шашкой. Парень приучился точнее оценивать расстояние до цели и правильно выбирать силу удара. А самое главное, верно оценивать окружающее пространство. Срубив два десятка прутьев, воткнувших в плетень, он убедился, что наука старого казака не прошла даром и, прихватив за собой, отправился отдыхать.

* * *

Расплавленный металл ровной, тонкой струйкой перелился в форму и, растёкшись, начал медленно остывать. То, чего больше всего Матвей боялся, не случилось. Нагретая форма из обожжённой глины выдержала. Да, температура плавления латуни гораздо ниже температуры плавления стали, но и её было вполне достаточно, чтобы форма не выдержала. Весело глядя на узкий поддон, на котором и лежали нагретые заранее формы, парень уже мысленно прикидывал, как ещё можно будет использовать подобный метод.

Поворотные кулаки для телеги он отлил из бронзы, благо обрезков этого металла в кузнице хватало. Откуда Григорий наташил столько сплава, он так и не смог понять. Все эти обломки не были от чего-то одного. Похоже, кузнец собрал их на какой-то свалке. Дождавшись, когда металл остынет, Матвей принялся поливать его поверхность тонкой струйкой воды, чтобы окончательно сбить температуру.

Ещё примерно через четверть часа он принялся осторожно сбивать с гильзы глиняную форму. Его хитрость с воском помогла. Форма легко соскользнула, и парень, внимательно осмотрев полученный результат, радостно усмехнулся. У него всё получилось. Поверхность полученной детали была ровной и даже не очень шероховатой. Достаточно было просто пройти по ней мелким наждаком.

Так же осторожно сбив внутреннюю часть формы, Матвей задумчиво повертел её в руках и, иронично хмыкнув, проворчал:

– Блин, матерю на глазах. И запчасть получил, и формы целые. Похоже, мне дико везёт. Или кто-то там наверху решил малость мне подыграть.

Разобрав все четыре формы, Матвей внимательно осмотрел полученный результат и, отложив гильзы в сторону, взялся за изготовление роликов. Всё та же латунь в виде небольших

брусков нагревалась и вытягивалась на наковальне в прут, после чего снова нагревалась и прокатывалась. Получив прут круглого сечения нужной толщины, парень нарубил их зубилом. Нарезав ролики нужной длины, он перешёл к шлифовке.

То и дело заглядывавшая в кузню Настасья явно пыталась угадать, чем именно занят её ушибленный на голову отпрыск, но так ничего не поняв, уходила. Матвей, которому этот пригляд начал действовать на нервы, в очередной раз заметив её силуэт в дверях, не отрываясь от работы, прямо спросил:

– Мать, ты боишься, что я кузню спалю, или тебе просто заняться нечем? Так я могу и к наковальне поставить.

– Да я всё понять не могу, чего это ты такое затеял. Отец вроде никакой особой работы тебе не оставлял, – смутилась женщина.

– Да вот придумал тут кое-что, вот и ковыряюсь, – фыркнул Матвей, продолжая шлифовать ролики влажным речным песком.

– Гляди, попадёт тебе от отца, что без него железо плавить взялся. Он баял, что дело то жутко сложное да опасное.

– Ну, ежели без ума делать, то и до ветру ходить опасно. В дырку провалиться можно, – усмехнулся парень. – А ежели знаешь, как делать, то и ничего опасного нет.

– А ты, выходит, знаешь?

– Ну, кое-что помню. Да и не спешу. С оглядкой работаю, – вывернулся Матвей.

– И как? Получается? – не сдержала женщина любопытства.

– А куда оно денется, мам? Вон, только отшлифовать да собрать осталось.

– Ну, дай-то бог, – кивнула Настасья и вышла из кузни.

Убедившись, что ролики прокатываются по гильзам без боя и заеданий, парень осторожно собрал первый подшипник и, покрутив его в пальцах, с довольной усмешкой проворчал:

– Работает, зараза. Песок смыть, смазать – и можно собирать.

Принцип работы подшипников был простейшим. Две гильзы с закраиной на одной стороне, ролики и по две шайбы на каждую сторону, чтобы закрыть сам механизм от попадания пыли и грязи. Затеять что-то более сложное в его ситуации было бы слишком самоуверенным. Не хватало станков и нужных инструментов, а те, что были, оказались слишком примитивными. С подшипниками Матвей управился за неделю. Больше всего времени отняла шлифовка.

Но самым сложным оказалось изготовить подходящие корончатые гайки. Работа по их изготовлению была той ещё песней с припевом. Отлив заготовку нужной формы, парень вдруг понял, что ему элементарно нечем нарезать резьбу нужного размера. Ругаясь так, что даже кувалда в углу краснела, Матвей тонким напильником, самым его кончиком, буквально выгрызал резьбу, проклиная местные технологии.

Это послужило толчком к новой идее. Ему нужен был толковый нарезной инструмент. Вспомнив, что во время изготовления ножей и шашки у них оставалось несколько обрубков булата, парень принялся перебирать хлам. Отыскав подходящие куски, он раздул горн и вернулся к работе. Пока кусок под лерку прогревался, он успел закончить одну гайку и, отложив её к уже готовым частям, взялся за молот.

Резьбу в лерке он решил нарезать на горячую, уже готовой резьбой. Ничем иным у него сделать это в булате просто не получилось бы. Выбив в заготовке технологические отверстия при помощи пробойника, Матвей подхватил её клещами и принялся с силой наворачивать на уже готовую резьбу на поворотном кулаке. Бронзовая деталь с честью выдержала это испытание. Скрутив почти готовую лерку, Матвей положил её у самого края горна, остывать.

Парень отлично понимал, что всё это дикий микс из будущих технологий и местных реалий, но иного выхода не видел. Хороший инструмент в эти времена стоил бешеных денег. Но самое главное, что так просто его было не купить. С метчиком дело пошло ещё быстрее.

Придав заготовке нужную форму, он прогнал её через готовую уже гайку и положил рядом с готовой леркой.

– Блин, если будет работать, ей-богу, в церкви свечку поставлю, – ворчал он, устало присев у горна и задумчиво глядя на результат работы своих очумелых ручек.

В подобную авантюру можно было удариться только от полной безысходности. Но иного выхода Матвей не видел. Отлично понимая, что соседи примутся заказывать подобное шасси для телег и себе, он не хотел тратить огромное количество времени на простейшие операции. А с нужным инструментом всё будет гораздо быстрее. Вспомнив, что ещё не знает, что у него с колёсами для дрог, парень поднялся и направился в сарай, где Григорий хранил всякие запчасти для своего хозяйства.

На крюках, под стрехой, нашлись два новеньких колеса. Осмотрев их, Матвей тяжело вздохнул и, проверив горн, отправился к плотнику. Увидев парня, Никандр весело поздоровался и, услышав, что ему нужно, тут же выкатил из мастерской два новых колеса, но без ободов. Про оплату казак высказался просто:

– Придёт время, снова мне инструмент поправишь, как в этот раз делал. Уж больно толково у тебя получилось. Который день работаю, а всё словно новый.

– Добре. Как нужда будет, так и приходи, – поспешил согласиться Матвей.

Заточить уже готовый инструмент было делом не долгим. Глядишь, к тому времени он и подходящий станок соберёт. Прикатив колёса домой, парень тут же кинулся набивать на них обода. Закончив, он взялся размечать посадочные места под подшипники. Дальше предстояло обработать ступицы так, чтобы гильзы входили в них с усилием.

Спустя три недели после начала этой эпопеи Настасья с удивлением ходила вокруг новеньких дрог, удивлённо качая головой. Труды парня не пропали даром. Широкая, добротная телега катилась от любого усилия и способна была развернуться на одном колесе.

– Это как же ты до такого додумался? – растерянно поинтересовалась женщина, внимательно рассматривая поворотный механизм.

– А помнишь, на ярмарке игрушки продавали деревянные. Две палочки, а на них мужик с медведем с молотами. На дощечку нажмёшь, медведь ударит, на другую – мужик. Вот я так тут и сделал, – тут же выкрутился Матвей, давно уже придумавший, что будет отвечать всем любопытным.

– Так ты что, вспомнил, как оно прежде было? – тут же вскинулась Настасья.

– Нет. Так, мелькает иногда всякое. Вот и про ярмарку мелькнуло, – покрутил парень головой, досадливо сморщившись. – В работе оно лучше всего вспоминается почему-то.

– А ловко получилось. И лавка широкая, – одобрительно проворчала женщина, оглядывая дроги.

– Так для себя делал, не для продажи, – развёл Матвей руками. – Надо будет, сюда ещё одну лавку поставить можно будет.

– Это ещё зачем?

– Да мало ли как оно повернётся.

– Да ну тебя, – отмахнулась Настасья. – Придумаешь невесть чего. За колёса-то дорого дал?

– А ты откуда знаешь, что я их купил? – растерялся парень.

– А то я на своём подворье не хозяйка? – тут же подбоченилась казачка. – Я ж точно знаю, что у Гриши только два колеса в запасе было.

– Уговорились, что я Никандру снова инструмент поправлю, как нужда будет.

– Что-то дешёво он с тебя взял, – усомнилась Настасья. – Он свою работу завсегда ценит.

– А понравилось ему, как я в этот раз всё сделал, вот он и решил на будущее так уговориться.

– Да уж, и вправду мастером вырос, – одобрительно хмыкнула женщина, бросив очередной взгляд на дроги.

Ещё раз обойдя новинку, Настасья отправилась по своим делам, а Матвей, подумав, отправился работать. После недолгих размышлений парень решил изготовить ещё пару комплектов подшипников. И отцу будет что показать, и, возникни нужда, будет из чего заказ выполнить. Как оказалось, Григорий эту латунь переплавлял из старых ружейных гильз. Пару пригоршней уже расплюснутых, чтобы места меньше занимали, он обнаружил в ящике под кучей всякого хлама.

Теперь, уже имея нужный опыт, он управился за пару дней. Сложив готовые запчасти на полку, парень прибрался в кузне и задумался, чем занять себя дальше. За всё прошедшее время к нему обращались всего три раза. Нужно было привести в порядок кое-какой сельхозинструмент. Так что появление на пороге кузни молодой вдовы Ульяны парень воспринял как удачу. Вежливо поздоровавшись, Матвей забрал у неё сломанную тяпку и, осмотрев обломившийся черенок, проворчал:

– Дело нехитрое. Завтра готово будет.

– Неужто справишься? – лукаво прищурившись, уточнила женщина.

– Зря смеёшься, – качнул Матвей головой. – Я с такой работой ещё пацаном управлялся. Хочешь, присядь, сама посмотри.

– А и присяду, – с вызовом усмехнулась молодая вдова.

– Вон туда, на чурбачок, от огня подальше. Не дай бог, искрой обожжёт, – указал парень в нужное место, подкидывая в горн угля.

Отковать из куска подходящего железа новый черенок и приклепать к нему сам лепесток тяпки было делом часа. Насадив инструмент на рукоять, он парой ловких ударов загнал в черенок гвоздь и, протянув инструмент женщине, усмехнулся:

– Говорил же, забава, а не работа.

– Ох, и ловок ты, Матвей, – удивлённо протянула женщина. – И вправду про тебя бают, мастером настоящим стал.

– Это кто ж такое бает? – не понял парень.

– Так Никандр-плотник. Гуторит, что ты и батьке своему в ремесле не уступишь.

– Нет, рано ещё. Вот как сам с литьём всяким управляться научусь, тогда да, не уступлю.

– А и силен ты, паря, стал, – окинув его оценивающим взглядом, вдруг протянула вдова.

– Ты чего тут, Ульяна? – раздался голос входящей в кузню Настасьи.

– Да вот, тяпка сломалась, а Матвей твой всего за час управился, – моментально нашлась женщина, протягивая ей починенный инструмент.

– Это да. Мастеровитым стал, ажно жуть берёт, – усмехнулась Настасья в ответ. – Так что, закончил? – уточнила она.

– Ага.

– Ну, так ступай с богом, – вежливо указала хозяйка госте не порог.

– Прощевай, Матвеюшка, – промурлыкала Ульяна, выскальзывая за дверь.

– От кошка, – беззлобно проворчала Настасья ей вслед. – А всё одно хороша, зараза. Ступает павой, да и фигуру сохранила, хоть и ребятенка родила. Да уж, дал бог здоровичка.

– Ты чего, мам? – не понял Матвей её реакции на соседку.

– Так вдовая она, сынок. Мужской лаской обойденная. Вот и присматривает, с кем можно без шуму лишнего пашни закрутить.

– А ты, выходит, против? – на всякий случай уточнил Матвей.

– Да господь с тобой. Коль есть охота, так и веселись, да только помни, что с того веселья и дитя прижить не долго, – усмехнулась Настасья, ехидно прищурившись.

* * *

Ещё две недели пролетели почти незаметно. Матвей, пользуясь полученной свободой, принялся готовить материалы под станки. Ничего сложного в его условиях было не сделать, но придумать станины, посчитать шаг шестерён повышающих редукторов ему никто не мешал. Само собой, приходилось прятать все свои расчёты и перерисовывать все чертежи начисто, без всяких пояснений, но и это уже было серьёзным поводом раскрыться.

Настасья то и дело, возвращаясь от колодца, регулярно пересказывала ему байки, которые о нём рассказывали досужие сплетницы. Доходило даже до анекдота. Кто-то договорился до того, что стал рассказывать, будто видел, как парень оборачивался волком и убегал в степь. Услышав такую несуразицу, Матвей хохотал минут пять, едва не заработав икоту. Настасья, глядя на его веселье, долго качала головой, а после присоединилась к сыну.

Их веселье прервал вошедший в хату Лукич. Окинув хохочущих хозяев удивлённым взглядом, старый казак растерянно расправил усы и, откашлявшись, с интересом поинтересовался:

– Это чего у вас такое случилось, что хохот ажно с улицы слышать?

– Да вон, мамка байку от дураков пересказала про меня, – простонал Матвей, утирая набежавшие слёзы.

– Это которую?

– А где я в волка оборачиваюсь, – ответил парень, продолжая хихикать.

– А ведь ты зря смеёшься, – неожиданно ответил казак. – В роду Лютых характерники были. Так что всё быть может.

Разом оборвав смех, Матвей растерянно почесал в затылке, тут же вспомнив старые семейные легенды, которые слышал ещё от деда.

– Неужто и ты, Лукич, в такое веришь? – осторожно уточнил он, глядя казаку в глаза.

– Я памяти пращуров верю. А они просто так баять не станут. Вот батька твой вернётся, сам у него спросишь. Ты лучше скажи, кинжал внуку починить сможешь? – сменил казак тему.

– Посмотреть надо, – пожал Матвей плечами.

– Пойдём. На крыльце он стоит.

– Кто? Кинжал? – не удержался от шпильки парень.

– Внук. Зубоскал, – усмехнулся Лукич в усы.

Они вышли на крыльцо, и Матвей, едва кивнув вскочившему со ступеней пареню, тут же требовательно протянул руку. Взяв в руки оружие, он плавно вытянул его из ножен и, едва повернув руку, понял, в чём проблема. Рукояти длинных кавказских кинжалов обычно крепились на двух заклёпках и потому нередко начинали болтаться. Металл заклёпок изнашивался и появлялся люфт в посадке черенка в рукояти.

– Оставляй, Лукич. Завтра сделаю, – кивнул Матвей, быстро разобравшись в проблеме.

– А чего так долго-то, – не удержавшись, буркнул внук казака. – Там же всего заклепать надо.

– Я тебя учу, как в седле сидеть? – вместо ответа хмыкнул Матвей. – Вот и ты меня не учи, как правильно мне моё дело делать. Черен, как в рукояти болтаться начал, так посадочное место разбил, и потому, чтобы кинжал этот служил подольше, надобно в рукояти дерево поменять. Понял? – снизошёл он до пояснений, заметив, как парнишка насупился.

– Учись, Ванька. Это тебе не по огородам гасать, – усмехнулся Лукич. – Тут не всё так просто, как оно кажется.

– А дерево какое ставить станешь? – спросил паренёк.

– Не надувайся, а то лопнешь, – не удержался Матвей. – Лучше всего было бы берёзу. У неё древесина вязкая и плотная. Но где её тут взять. Так что придётся из бука вставки резать. Он тоже плотный.

– Делай, как сам знаешь. А этого обалдуя не слушай. Понимал бы чего, – жёстко отрезал казак. – Ты оружейник, тебе и решать.

– Да как же так, деда? – едва не взвыл паренёк. – Ему как проще делать, а мне с тем кинжалом в бой.

– Это что же, ты хочешь сказать, что я по своему злоумыслию стану жизни казачьи губить? – зашипел Матвей разъярённой гадюкой.

– А что, нет? – вдруг вызверился казачок. – Про тебя бают, что ты давно уже душу лукавому продал, и что это он тебе на роже метку свою поставил. Ай...

Последнее восклицание вырвалось у паренька невольно, когда тяжёлая длань деда одним взмахом отправила его с крыльца на землю.

– Ты чего несёшь, дурак?! – рявкнул Лукич, нависая над внуком.

– Так люди бают, дед, – испуганно всхлипнул паренёк.

– Люди? Бабы дурные языками чешут, а ты и уши развесил, – зарычал казак в ответ.

– Меня батюшка наш и елеем мазал, и святой водой поливал, так что лжа это всё. Брехня пустая, – негромко добавил Матвей, спускаясь с крыльца. – Но раз тебе работа моя не подходит, жди, когда батька вернётся, – закончил он, протягивая кинжал Лукичу.

– Ты это, Матвей, – смутился казак, – не слушай ты его, дурака. Несёт незнамо чего. Баб наслушался, вот и метёт языком.

– Нет, Макар Лукич. Он это от сердца сказал, – мотнул парень чубом, грустно усмехнувшись. – Думаю, теперь в станице многие так думают.

– Это с чего бы? – насторожился Лукич.

– Есть у меня догадка, кто те слухи распускает, да только, как говорится, не пойман, не вор. Жаль только, что казаки иной раз дурнее собственных баб бывают.

Отдав кинжал, он махнул рукой и, развернувшись, вернулся в дом. Звук увесистой затрепщины он расслышал явно, но радости это не принесло. Кто именно распускает подобные слухи, он действительно догадывался, только не понимал, зачем. Ведь в этом не было никакого смысла.

Почувствовав, что сидеть дома не может, а к работе душа не лежит, парень снова вышел во двор и, чуть подумав, отправился за околицу.

Выйдя в степь, он спустился к ручью и, обойдя заросли ивняка, уселся под старую акацию, склонившуюся над узким, но быстрым потоком. Откинувшись на ствол дерева, парень уставился в горизонт бездумным взглядом, про себя пытаясь решить, как пресечь все эти рассказы. Набить физиономию бывшей невесте не дело. То, что слухи распускает именно она, Матвей не сомневался. Ведь это у неё все планы расстроились, так что после происшествия с молнией она стала в каком-то смысле посмешищем среди подружек.

Сговоренная, с готовым приданым, почти невеста, она стояла в девичьей иерархии на полголовы выше других. И вдруг по нелепой случайности, опустилась на один уровень с остальными. Было от чего беситься. Да ещё и Матвей, так легко согласившись на расторжение сговора, ясно дал ей понять, что не особо и заинтересован в ней. Но решать этот вопрос было как-то нужно. Осталось придумать, как именно. Ударяться в религию парень не собирался. Слишком много планов это могло сломать. Да и не тянуло его бить поклоны и соблюдать кучу всяческих ритуалов. Не его, коротко говоря. Драться с каждым болтуном тоже не выход. Да и не решит это ничего. Похоже, первый порыв, по которому он отказался чинить кинжал, был самым правильным. От кого слухи слышал, к тому и ступай, ежели работа не нравится. Из задумчивости парня вывели чьи-то голоса и шум шагов нескольких ног.

К ручью подошли с полдюжины молодых ребят, примерно ровесников самого парня. Бросив на них один короткий взгляд, Матвей снова уставился на горизонт, но подростки, увидев его, разом замолчали и, быстро переглянувшись, начали сближение, охватывая дерево полукругом.

– Эй, палёный, ты чего тут? – послышался наглый вопрос.

– Для кого палёный, а для кого и Матвей Григорьевич, – фыркнул парень в ответ, не меняя позы.

– Ох, и наглый он стал, братцы, – продолжил всё тот же голос. – Думает, ежели с лукавым связался, так ему и можно всё.

– Ну ты и дурак, – презрительно протянул Матвей. – Это где ж видано, чтобы слуги лукавого на вороте крест носили?

– А ты, значит, носишь? – тут же послышался вопрос.

– Ты и вправду дурак. В воскресенье у батюшки благословение получал, да крестом себя осенял. Иль ты уже и в церкву не ходишь? – повернулся Матвей к заводице. – Тогда это ты у лукавого в прислужниках, а не я.

– Погодь, Николка. И вправду ерунда какая-то получается. Я ж его сам в церкви видел, – рассудительно протянул один из подростков. – Рядом стояли. И у иконы Богородицы он молился, и свечку ставил. Как так-то? Выходит, брехню про него бают.

– Ну, хоть один из вас головой думает, а не тем, что в штанах болтается, – хмыкнул Матвей, не меняя позы.

– Ты это не очень тут, – с угрозой буркнул заводица, растерявшись.

– А то что? Драться полезешь? Так тебе ж хуже. Старшины сразу поймут, кто к кому полез.

– Чего это?

– Так вас вон сколько, а я один. Да и не интересно мне с вами рядиться. У меня и своих забот хватает.

– Это каких же?

– Станки задумал делать. А вот как правильно будет, пока не придумал, – пожал Матвей плечами.

– Станки? Сам? Брешь! – удивлённо ахнув, отрезал заводица. – Для того заводы имеются.

– Ты, Николка, и вправду дурак. Я вон телегу сам новую сделал, у которой разворот в два раза меньше, чем у обычной.

– Так то телега, а то станки, – не сдавался казачок.

– Видел я те станки на ярмарке. Ничего там сложного нет. Просто продумать всё надо, чтобы материал даром не изводить.

– Ты ещё раз меня дураком назовёшь, так я тебе точно плетень поправлю, – вдруг пригрозил Николка.

– Ну, попробуй, – усмехнулся парень. – Но не обессудь, коль в своём плетне зубов не досчитаешься.

– Да ты, пёсий сын, и вправду страха не знаешь, – вызверился казачок и неожиданно бросился вперёд, пытаясь ударить Матвея ногой в бок.

Понимая, что находится в невыгодном положении, парень толкнулся от дерева плечами и быстро откатился на пару шагов в сторону, чтобы разорвать дистанцию. Промашнувшийся Николка пнул ни в чём неповинное дерево и, зашипев от боли, запрыгал на одной ноге. Толкнувшись с плеч, Матвей одним движением оказался на ногах и, развернувшись к парням, спросил, сжимая кулаки:

– Ну, кто ещё попробовать хочет?

– Чего встали? Бей его! – выкрикнул Николка, страдальчески морщась.

– За что бить-то? – уточнил всё тот же рассудительный паренёк.

Имён их Матвей, естественно, не знал, так что вынужден был запоминать хоть какие-то особые приметы. Этот умник слегка шурился, явно страдая близорукостью.

– А тебе не всё одно, за что? – выкрутился заводила. – Иль не казак?

– Казак, – решительно кивнул умник.

– А казаку всё равно, за что врага бить.

– Это с какой же пьяной радости я тебе вдруг врагом стал? – удивился Матвей. – У меня с тобой никакой замятни не было. Иль я забыл чего?

– Роду человечьему ты враг, – вдруг высказался заводила.

– Потому что в церкву хожу или потому что ты баб наслушался?

– Каких ещё баб? – тут же оживились остальные.

– Ну, девок, – отмахнулся Матвей. – Всё одно бабы бредни. Небось, Лизавета тебе всякого про меня напела.

– А ей-то зачем? – фальшиво удивился Николка.

– А затем, что сговор про меж родов наших был. Да только после той истории порушить его пришлось. Вот она и бесится. Лжу всяческую на меня возводит. Чтобы вроде как она тут и вовсе ни при чём и отказалась только потому, что я не божьим соизволением выжил, а происком лукавого. А ума-то нет, чтобы понять, что я в церкву всегда хожу, да и батюшка наш в хату к нам что ни день захаживал попервости.

– А ведь верно. Ты, Николка, который раз у их хаты трёшься, – тут же отреагировал умник.

– Да замолчь ты, – резко огрызнулся заводила. – Всё одно, быть тебе битым, чёртов прислужник.

– Ну, так начинай, – развёл Матвей руками. – Посмотрим, так ли ты кулаками шустёр, как языком.

Подростки дружно рассмеялись, а заводила, покраснев, словно помидор, зарывав, ринулся в атаку. Нырнув под его широкий, размашистый удар, Матвей шагнул в сторону и тут же хлестнул его в нижний свод рёбер справа. Проскочив мимо, Николка кое-как удержался на ногах и тут же со стоном сложился пополам. Удар по печени – штука тяжёлая и не просто так считается в боксе нокаутирующим ударом.

* * *

Караван с железом вернулся спустя три дня после той короткой стычки. Обнявшись с отцом, Матвей первым делом сунул нос под брезентовый полог, пытаясь рассмотреть, что именно привёз кузнец. Заметив его интерес, Григорий усмехнулся в усы и, хлопнув парня по плечу, негромко велел:

– Баню топи. А чего там, я тебе и так расскажу.

– Сплавы оружейные есть, бать? – не удержался парень.

– Пять пудов закупил. Теперь можем и сами стволы катать, – понимающе кивнул мастер. – Ты станки свои нарисовал? – задал он не менее насущный вопрос.

– И не только, – усмехнулся Матвей в ответ.

– Чего ещё задумал? – насторожился мастер.

– Не только задумал, но и сделал, – не удержавшись, похвастался парень.

– Показывай.

– У кузни, – усмехнулся Матвей и, развернувшись, первым направился в нужную сторону.

Они обошли хату и, выйдя в дальний угол хозяйского двора, остановились перед новенькими дорогами.

– Ты никак решил в плотники податься? Или каретником стать? – проворчал Григорий, обходя телегу по кругу.

– Ты под передок загляни, – усмехнулся парень в ответ.

– Это что, сам всё лил? – спросил кузнец, разглядев поворотный механизм.

– Ага. А теперь просто толкни её, – посоветовал Матвей, загадочно усмехаясь.

– Эх, чтоб тебя, – охнул кузнец, одним не самым сильным толчком откатив телегу к самому плетню. – Это как оно так?

– Тут ступицы особые. Завтра покажу, – с гордым видом ответил парень.

– Из чего делал? – деловито осведомился кузнец.

– Латунные.

– А оси, значит, передние, из бронзы отлил и на дубовый брус посадил, – комментировал мастер, разглядывая работу сына.

– Ага. Концы железом взял и шкворни насквозь пропустил.

– Добре придумано. И на ходу лёгкая, и поворот короткий, – оценил кузнец работу сына.

Подскочившая к ним Настасья с ходу принялась пенять сыну, что он не даёт отцу передохнуть с дороги, но кузнец, выпрямившись, решительно осадил жену, негромко ответив:

– Не голоси, мать. Верно он делает. Сама знаешь, дело в первую голову. Да и отчёт мне от него нужен, чем тут без меня занимался. Заказов-то много было? – повернулся он к парню.

– Плотнику Никандру инструмент поправил, да на телеге обода сменил. Да ещё вдове Ульяне тятку отремонтировал, – бодро отрапортовал Матвей. – Всё остальное время своими задумками занимался.

– С Никандра небось древесиной и колёсами за работу взял? – понимающе усмехнулся Григорий.

– Ещё раз надо будет ему инструмент поправить, как нужда возникнет, – кивнул парень.

– Добре. Тогда сам потом с ним и разберёшься. Ещё чего было?

– Тут такое дело, бать, – подумав, тихо вздохнул Матвей. – Лукич заходил, внуку хотел кинжал починить, да только Ванька его, ерунды всякой наслушавшись, принялся на меня напраслину возводить. В общем, не сложилось. Так что придётся тебе после этим заняться.

– Это что за напраслина такая? – моментально подобрался кузнец. – Ты не молчи, Матвейка. Рассказывай, – жёстко приказал он.

– Да по станице слухи ходят, что я попустительством лукавого жив остался и что за спасение своё, теперь стану через работу свою жизни казацки губить, – нехотя поведал парень.

– Кто посмел? – моментально взъярился Григорий, сжимая пудовые кулаки и раздувая ноздри.

– Я так думаю, дядьки Андрея дочка злобится, что мы так легко от сговора отказались, – снова вздохнул парень.

– От ведь сучонка сопливая! – взбесившейся коброй зашипела Настасья. – Ну, я ей устрою...

– Оставь, мам, – отмахнулся Матвей. – Нет ума, так уже не будет. Вот в воскресенье в церкву сходим, молебен закажем благодарственный, что поход без убытку прошёл, а там посмотрим, – грустно улыбнулся парень.

– Точно она? – помолчав, спросил Григорий.

– Да какая тут может быть точность, бать. Так, размышления мои. Потому как больше и некому. Или она, или поп наш. Никто иной таким и не задавался.

– Добре. С попом я сам потом поговорю. А вот что с дурой этой делать, ума не приложу, – проворчал казак, ероша пальцами седеющий чуб.

– Оставь. Собака лает, а ветер носит. Сама уймётся, придёт время, – снова отмахнулся Матвей. – У нас с тобой своих дел хватит. Инструмент вон нарезной делать надо, станки собирать. Да и другие задумки имеются.

– Ладно. Там видно будет, – подумав, согласился мастер.

Они отправились в баню, после чего мать накрыла праздничный стол. К ночи, заметив родительские переглядки, Матвей прихватил из сеней овчинный полушубок и отправился ночевать на сеновал.

Утром, прогоняя тренировочный комплекс, который его заставил выучить Елизар, Матвей увидел отца счастливо улыбающимся и лениво-валяжным. Настасья тоже лучилась довольством, из чего парень сделал вывод, что его поступок оценили, и ночь для них прошла весьма продуктивно.

Делая вид, что ничего не замечает, парень закончил тренировку и, умываясь из бочки, с интересом спросил:

– С чего начинать станем, бать?

– Со станков, пожалуй, – подумав, лениво отозвался кузнец. – Для дела они как бы не важнее всего будут.

– Тогда завтракать пошли, – с улыбкой поторопил его парень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.